

Société des écrivains des Nations Unies à Genève
United Nations Society of Writers, Geneva
Sociedad de Escritores de las Naciones Unidas, Ginebra

Ex Tempore

Revue littéraire internationale
Volume XXI - décembre 2010

An International Literary Journal
Volume XXI - December 2010

Revista literaria internacional
Volumen XXI - diciembre 2010

Nations Unies, Genève * United Nations, Geneva
Naciones Unidas, Ginebra

Table of contents – Table des matières

<i>Impressum</i>	4
<i>Prelude</i>	5
<i>Essais/Essays/Ensayos</i>	9
. <i>Concert on the occasion of United Nations Day (Sergei Ordzhonikidze)</i>	10
. <i>Hardworking Amateurs (Janet Weiler)</i>	12
. <i>Rodrigo. Une lumière d’Espagne (Alex Caire)</i>	13
. <i>Martin Walton (Ita Marguet)</i>	15
. <i>Hector Berlioz (Ita Marguet)</i>	17
. <i>Sir Edward Elgar (Ita Marguet)</i>	20
. <i>The Power of Music (Johannes van Aggelen)</i>	22
. <i>Un Poco sobre la Música Colombiana (Rosita de Cabrera)</i>	23
. <i>Bell Set of Marquis Yi (David Huang)</i>	25
. <i>那年多多五岁。一次 (Yong Li)</i>	27
. <i>On Music and Language (Rafael Rodríguez)</i>	29
. <i>The Alpine Horn: an instrument of peace (Alfred de Zayas)</i>	34
<i>Réflexions/Reflections/Reflecciones</i>	37
. <i>Moments Musicaux (Roger Chanez)</i>	38
. <i>Imágenes y Ecos (Sergio Chaves)</i>	40
. <i>Purple Musical Cows (Alfred de Zayas)</i>	41
<i>Nouvelles/Short Stories/Novelas</i>	45
. <i>Preludes, Interludes and Postludes (David Walters)</i>	46
. <i>Mi guitarra dejó de sonar (Rosita de Cabrera)</i>	48
. <i>Cuento sin dueño (Luis Alfredo Aguilar Contreras)</i>	51
. <i>حكاية سفر القمر (Alex Caire)</i>	52
. <i>ПРАЗДНИК МУЗЫКИ (Natalia Beglova)</i>	54

Poèmes/Poems/Poemas	73
. <i>Un violon, Les cuivres, Ce piano (Roger Prevel)</i>	74
. <i>Il tomba dans la fosse d'orchestre, Piano Bar, Musique de Roseaux, (Jacques Herman)</i>	76
. <i>soyeuse comme ta peau (Antony Hequet)</i>	78
. <i>Genève la Nuit (Luce Péclard)</i>	80
. <i>The Silent Drummer (Anthony Hequet)</i>	81
. <i>Busker's Song, Music Notes, the World's Song (Ray Barry)</i>	82
. <i>Troubadour Flight, Cairo Colours (Jimmie Kim)</i>	85
. <i>To Philippe with Love (Jo Ann Hansen)</i>	87
. <i>The Music Lover (Ngozi Ibekwe)</i>	88
. <i>Canto de Ballena, Tu voz donde sea, Sábado piano, He visto como..., Un ancla en el fondo del mar (L.A.Aguilar Contreras)</i>	89
. <i>Piano Forte (Christian Schulz)</i>	92
. <i>Altes Neues Jahr (Johann Buder)</i>	94
. <i>Wang'i, Upendo wako (Constance Ouko)</i>	95
Traductions/Translations/Traducciones	97
. <i>Volkswaise (Alfred de Zayas)</i>	98
. <i>Ôi Federico Garcia Lorca (Nguyen Hoang Bao Viet)</i>	99
Coda	104

President	<i>David Winch</i>
Vice-President	<i>Carla Edelenbos</i>
Secretary	<i>Ngozi Ibekwe</i>
Treasurer	<i>Janet Weiler</i>
Editorial Board	<i>Walid Al-Khalidi</i>
	<i>Ximena Böhm</i>
	<i>Rosa Montoya de Cabrera</i>
	<i>Aline Dedeyan</i>
	<i>Irina Gerassimova</i>
	<i>Beth Peoc'h</i>
Co-Founder and Editor-in-Chief	<i>Alfred de Zayas</i>
Honorary President	Sergei Ordzhonikidze

This is the twenty-first issue of Ex Tempore, which has been published annually since 1989. We are grateful to all whose constancy and collaboration have made this achievement possible and invite all members of the UN family, staff, retirees, members of the diplomatic corps, press corps, NGO-community, consultants, fellows and interns to become our readers and supporters.

In this issue, the Editorial Board is proud to publish contributions from 27 authors -- in Arabic, Chinese, English, French, German, Russian, Spanish Swahili and Vietnamese.

*The 2009 General Assembly of the United Nations Society of Writers decided that the twenty-first issue (2010) would have a general theme: **music as international language**. We hope that you like the bouquet of articles and poems contained in this number. For the twenty-second issue the editors welcome the submission of crisp, humorous or serious essays, short stories, drama, science fiction, poems, reflections or aphorisms on any topic of your pleasure, which may be forwarded in electronic form to David Winch dwinch@unog.ch, Alfred de Zayas zayas@bluewin.ch or to Carla Edelenbos cedelenbos@ohchr.org.*

Ex Tempore is not an official United Nations publication and responsibility for its contents rests with the Editorial Board and with the respective authors. The final choice is made on the basis of literary merit and appropriateness for a publication of this kind. The copyright remains with the authors, who are free to submit their manuscripts elsewhere. Some articles may be published under pseudonym; others do not identify an organization but use the acronym UNSW/SENU to indicate membership in the United Nations Society of Writers/Société des Ecrivains des Nations Unies. The journal is also published on line at www.extempore.ch. Financial donations to assist Ex Tempore with its expenses and membership fees (SF 40 per year) may be forwarded to the Ex Tempore account No. CA-279-100-855 at the UBS, Palais des Nations, United Nations, Geneva.

*Front-cover design: Diego Oyarzun-Reyes, Back cover: Leo Stork
drawings: Martin Andrysek
Photos: Alfred de Zayas, Janet Weiler, Carla Edelenbos
www.extempore.ch*

ISSN 1020-6604

Prelude

Music is undoubtedly the international language *par excellence*. Even more so than painting, sculpture and architecture, which can be universally appreciated, interpreted and internalized – music expresses in transcendental ways what other non-verbal art forms can do only partially – from longings, to love, to conflict, to fear, to laughter and exaltation. Music expresses the gamut of human feelings and emotions, uniting all humanity in its ontological traits.

Even if we do not speak a word of German and cannot grasp Friedrich Schiller's *An die Freude (Ode to Joy)*, we cannot help but be moved by Beethoven's rendition of this marvelous poem in the D major fourth movement of the *Ninth Symphony*. This melody stays with the listener, coming back again and again, regardless whether one lives in Africa, Asia, Australia, Europe, Latin America -- or on a space station circumventing the Earth.

Even if we know no French or even *patois*, we can appreciate Joseph Canteloube's *Chants d'Auvergne*. Even if we are not familiar with Australian aboriginal music, we can feel the rhythm in Peter Sculthorpe's scores, particularly the *Songs of the Sea and Sky* with the intriguing sounds of the aboriginal *didjeridu* in his tone poems *Kakadu* and *From Ubirr*.

And who does not start swinging when he hears African rhythms, the Afro-Cuban *Salsa*, the Afro-Brazilian *Lambada*? Is it not wonderful and universal, when peoples from all countries and levels of education react to the music of the late *Miriam Makeba* or of *Celia Cruz*? Who isn't moved to tears by Portuguese *Fados*, by Lucinda Gouveia's *Velho Marinheiro* and her incomparable *Lágrima*.

Music and song have been with mankind since time immemorial. The first musical instruments were probably hollowed-out bones used as flutes. Then there was the trumpet (remember the trumpets over Jericho) and the lyre (remember Sappho's songs on the island of Lesbos). China had a well-developed musical culture already during the Zhou Dynasty (1122 BC – 256 BC). In Chinese mythology Ling Lun was the legendary founder of music and musical instruments -- bamboo pipes tuned to the sounds of birds. The oldest surviving piece of written music in China is a *guqin* melody, "Solitary Orchid", written before AD 908. Its tonality is, of course, unusual to European ears, as is Chinese Opera, dating back to the Tang Dynasty in the eighth century AD.

In the Middle-East and in Europe religious songs have existed for thousands of years, and thanks to the notation system invented by Guido of Arezzo around the year 1000 AD, music has been written down and preserved ever since -- and not just remembered by monks chanting their liturgical *Gregorian*. Of course the Greeks and Romans had a form of musical notation too, but little is known about it and even less has come down to us. What cultural treasures must have been lost forever!

Not everyone is familiar with Indian Hindustani or Carnatic music, but it is worth our while to discover these worlds of human endeavour. Nor do we know the peculiarities of the songs and dances of so many peoples throughout the world,

expressions of their souls and culture, and at the same time reflections of the universal source, inexhaustible in their diversity. Gradually we are discovering and studying the music of many different indigenous populations, such as the Amerindians, or of the pygmies. All represent a universal *cornucopia*, a horn of plenty for all mankind.

Since the adoption of the 1972 World Heritage Convention (187 States parties), UNESCO has been listing the Intangible Cultural Heritage of Humanity, places and traditions worth preserving for future generations. Music surely belongs in this category. On Tuesday 16 November 2010 at a UNESCO meeting in Nairobi, Kenya, Peking Opera, Spanish-Andalusian *Flamenco* and Indonesian *Angklung* were added to the UNESCO list. *Angklung* is the bamboo musical instrument of West Java, where each instrument when shaken produces a specific tone. In the list of “musical sources” we find Baka pygmy music from Cameroon, Ca Tru & Quan Ho, traditional music from Viet Nam, Tibetan ritual music, Japanese Shomyo Buddhist rituals, Inuit songs of Canada, Azerbaijani Mugam, the Syrian Antioch liturgy, Tritonic music from Argentina, bagpipes from central France, Appenzell yodeling from Switzerland, and many others. UNESCO has recognized some 911 world sites (it keeps growing), in which 704 represent cultural heritage, 180 natural heritage, and 27 a blend of culture and natural heritage – in 151 States parties to the Convention (<http://whc.unesco.org/en/list>).

Now imagine for a moment an orchestra and a choir with players and singers from all nations, making music together. What a wonderful way of collaborating for peace and harmony! Imagine a Japanese conductor, a South African concert master, a Pakistani trumpet player, a Peruvian oboist, an Italian soprano, a German *heldentenor*, a Mexican baritone and a Russian bass!

One of the most eloquent expressions of music as an international language, a language for peace and understanding, is the *West-Eastern Divan Orchestra*, a youth orchestra founded in 1999 by the Argentinian-Israeli pianist and conductor Daniel Barenboim and the Palestinian-American intellectual Edward Said. This orchestra takes its name from Johann Wolfgang von Goethe’s anthology *West-östlicher Diwan* and is composed of musicians from Israel, Egypt, Iran, Jordan, Lebanon, Syria and Palestine. Barenboim lectured on this marvelous experiment at the *Reith lectures* in London on 28 April 2006: "In the Beginning Was Sound", Lecture 4, "Meeting in Music". In an interview for the Guardian in 2008 Barenboim said:

“The Divan was conceived as a project against ignorance...it is absolutely essential for people to get to know the other, to understand what the other thinks and feels, without necessarily agreeing with it. I'm not trying to convert the Arab members of the Divan to the Israeli point of view, and [I'm] not trying to convince the Israelis to the Arab point of view. But I want to - and unfortunately I am alone in this now that Edward died ... -create a platform where the two sides can disagree and not resort to knives.”

The *Divan* has played before many audiences including in Israel, Palestine, Germany, and Spain. Since 2004 the orchestra has its home in Sevilla, and in 2004, the Barenboim-Said Foundation, which is financed by the Junta de Andalucía (Regional Government of Andalusia, Spain), was established with the purpose of developing several education-

through-music projects based on the principles of coexistence and dialogue promoted by Said and Barenboim.

Indeed, as Rainer Marie Rilke so nicely expressed it in his *Sonnets to Orpheus*, singing is being: *Gesang ist Dasein*. You close your eyes and you hear *Lakme*'s bell song, Mahler's cowbells, the great monastery bells in *Boris Godunov*... In this spirit it is that in 2010 we have celebrated the 200th anniversary of the birth of Robert Schumann, the 200th anniversary of the birth of Frederic Chopin, the 150th anniversary of the birth of Gustav Mahler. In celebrating music we are celebrating all of humanity, that intangible, universal spirit that drives us to better and nobler being. Indeed, Beethoven's ninth symphony and Friedrich von Schiller's *Ode to Joy* deserve being considered not only a European hymn – but rather an anthem for all humanity: *Seid umschlungen Millionen. Dieser Kuss der ganzen Welt!* Be embraced, all you millions. This kiss is for the world.

Alfred de Zayas, Editor-in-Chief

The UNSW/SENU Board at the General Assembly on 13 October 2010 at the Palais des Nations. From left: Ngozi Ibekwe, Janet Weiler, Alfred de Zayas, David Winch, Carla Edelenbos

Ex Tempore Evening 23 January 2010

Essais

Essays

Ensayos

Concert on the occasion of United Nations Day 2010

Victoria Hall, Geneva

As every year on 24 October, the United Nations celebrates the entry into force of the UN Charter. It is also the felicitous tradition of the City of Geneva to offer the staff of the United Nations and the Diplomatic Corps a festive concert at Victoria Hall.

On Sunday, 24 October 2010, the United Nations and the world commemorated 65th anniversary of the entry into force of the Charter, combining it with the 150th anniversary of the birth of Gustav Mahler on 7 July 1860 in Kalischt, Bohemia (then a village in the Austro-Hungarian Empire). The performance by the Orchestre de la Suisse romande under the baton of Maestro Marek Janowski of Mahler's riveting Second Symphony – the Resurrection – was particularly inspiring. The German soprano Genia Kühmeier and Mezzo-Soprano Iris Vermillion were accompanied by the Rundfunkchor Berlin.

Under-Secretary General Sergei A. Ordzhonikidze, Director General of the United Nations Office at Geneva, delivered a fine opening statement, celebrating music as the universal language:

Madame la Conseillère fédérale
Monsieur le Président du Conseil d'État
Madame la Maire
Monsieur le Président de la Fondation de l'OSR
Excellences, Chers Amis des Nations Unies,

Au nom de la communauté internationale à Genève, je souhaite remercier chaleureusement le Conseil d'État de la République et Canton de Genève et le Conseil administratif de la Ville de Genève d'avoir organisé cette soirée.

Je tiens également à exprimer toute ma reconnaissance à l'Orchestre de la Suisse Romande qui, une fois de plus, nous fait l'honneur de jouer pour nous ce soir. L'accueil réservé à la communauté internationale est un exemple vivant de l'engagement permanent du Pays Hôte aux côtés des Nations Unies. Croyez que nous apprécions ce soutien à sa juste valeur. On apprécie aussi cette tradition de célébrer l'anniversaire de notre Organisation en compagnie de nos amis fidèles de Genève et de la Suisse.

As we today celebrate the 65th anniversary of the United Nations, we reaffirm our commitment to the values and principles of our indispensable Organization. There is no alternative to the United Nations. Over the past 65 years, the United Nations has contributed to building a better world through its contributions to international peace and security, to sustainable development and the realization of the Millennium Development Goals, to the fight against climate change, to the promotion and protection of human rights, to the empowerment of women and to the strengthening of the rule of law.

Through its unique legitimacy, comprehensive mandate and its commitment to a better future for all, the United Nations has gained the respect of people across the world.

Every day, we work to honour the trust placed in us. And as we look back at 65 years of achievements, we pledge to build on this to continue delivering for those who need us the most.

It is very appropriate to mark this United Nations Day with music, which is the universal language of the human family. Just as the appreciation of music binds us together across national, linguistic and cultural lines, the United Nations works across all boundaries to serve the people of the world.

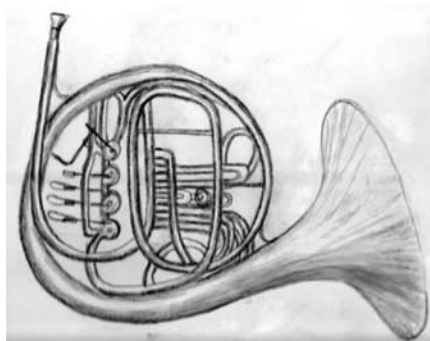
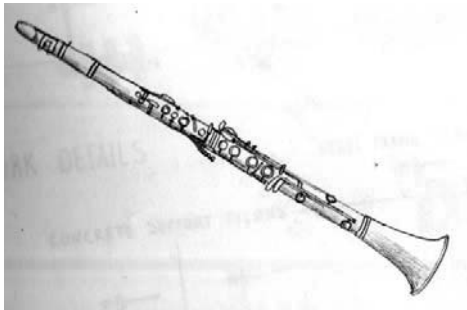
Chers Amis,

La Journée des Nations Unies est une opportunité pour nous tous de réaffirmer notre dévouement aux valeurs, principes et objectifs de notre unique et indispensable Organisation. Poursuivons nos efforts pour faire de l'ONU une Organisation plus forte et plus efficace en vue d'un monde meilleur.

Je vous souhaite une excellente soirée.

Merci beaucoup. Thank you very much.

Under-Secretary General Sergei A. Ordzhonikidze, Director General of the United Nations Office at Geneva

© Martin Andrysek, Intern UNHCR

HARDWORKING AMATEURS

Besides the more famous Orchestre de la Suisse romande, founded by Ernest Ansermet in 1918, the *Orchestre Symphonique Genevois* (OSG) has been an integral part of Geneva's cultural life for over 30 years now. Its musicians represent many nationalities and professions; they work during the day and rehearse in the evening or on weekends. This is a great opportunity to learn to play the great symphonic repertoire in one's spare time and to accompany well-known soloists. It's also great fun.

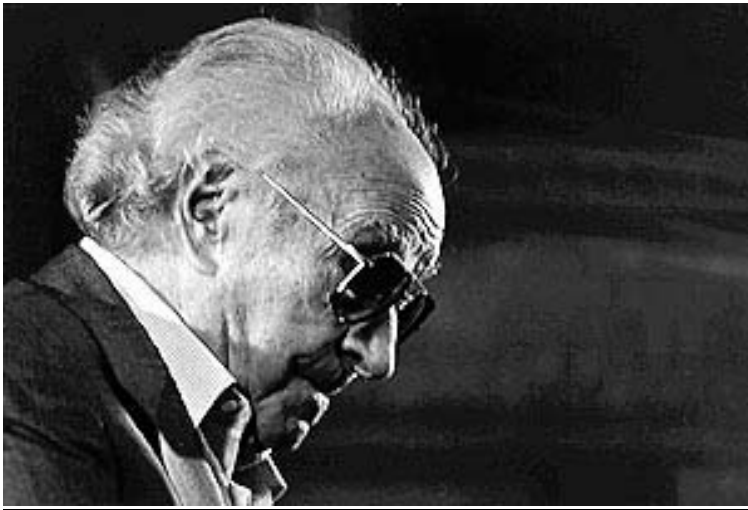
The success of the OSG must largely be credited to its Director for the past 20 years, Hervé Klopfenstein, whose passion is encouraging amateur musicians to perform like professionals. He continues to drive the OSG toward new heights after taking on the responsibilities of Director of the Lausanne and Sion conservatories, as well as of the *Haute Ecole de Musique* of Fribourg. Thus we musicians have been given a golden opportunity to grow musically while enjoying the glamour of performing for our growing public, frequently at Victoria Hall. Among the musicians are several "internationals", including Ian Seiderman, a cello player employed at the International Commission of Jurists in Geneva, Philippa Wells, a violin player employed at CERN, and myself. On 28 November 2010 they again played at Victoria Hall, Francis Poulenc's Concerto pour 2 pianos, and Nicolai Rimski-Korsakov Schéhérazade.

All interested players equipped with experience and enthusiasm should contact celine.schlaepfer@bluewin.ch or check the site: www.symph.ch.

J. Weiler, OHCHR, retired, double bass

The Orchestre Symphonique Genevois at Victoria Hall.

Rodrigo. Une lumière d'Espagne

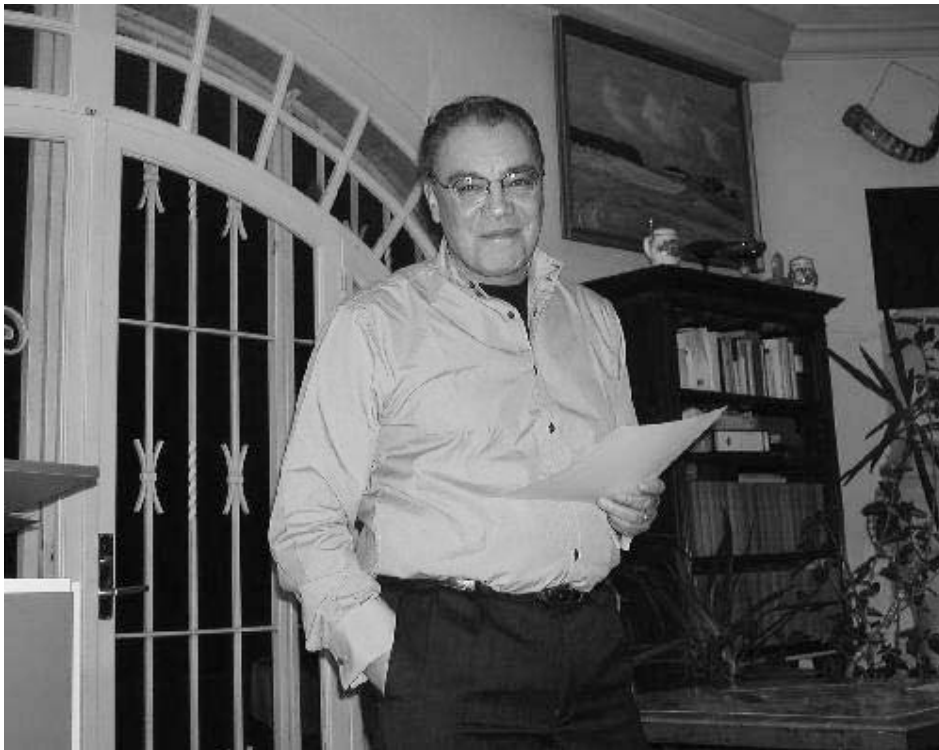
Joaquín Rodrigo traverse l'histoire de la musique espagnole tel un prince visitant ses propres jardins. Il n'est pas fortuit qu'il fut élevé par Juan Carlos au rang de Marquis des jardins d'Aranjuez en 1992, tant sa créativité nous interpelle. Rodrigo a écrit l'histoire de son pays à sa manière. Une page empreinte de noblesse et de nostalgie. Sa musique consacre une remarquable constante : évocation, élégance et beauté. Et dire que la lumière qui émane de cette musique a marqué son temps et le nôtre ne donne pas la mesure de ce créateur hors pair. Son premier succès universel, *Concierto de Aranjuez*, 1939, premier concerto pour guitare et orchestre, l'installe définitivement dans l'Histoire. Ce poème musical cache cependant une œuvre riche en images, en émotions et en poésie. *Concierto Madrigal*, 1967, un voyage riche en nuances, couleurs et mélodies. Dans la même année *le Concierto Andaluz* voit le jour : une des plus élégantes œuvres musicales de tous les temps, une réflexion inédite sur l'endroit, la nostalgie et le temps qui passe. Imprévisible, un brin de mélancolie traverse nombre de ses œuvres, se détache dans *Concierto Serenata*, 1952, œuvre téméraire où la harpe remplace la guitare. Cette mélancolie silencieuse vient curieusement se nicher dans une des ses œuvres les plus festives, *Concierto para una fiesta*, 1982. Peut-on décrire Rodrigo et son œuvre? Vaine tentative. Réécoutons-le. Nul parmi ses contemporains n'a su rendre l'Espagne musicale aussi splendide, aussi vibrante. L'œuvre de Rodrigo est un espace où le souvenir jaillit, lumineux, vivace, perpétuel.

Difficile de concevoir la musique espagnole du XXème siècle sans évoquer l'œuvre de Joaquín Rodrigo. La Fundación Victoria y Joaquín Rodrigo, présidée par *Cécilia Rodrigo*, fille unique de l'illustre défunt, perpétue et l'œuvre et la mémoire de l'artiste. Une compétition internationale voit le jour à Madrid à intervalle régulière récompensant des jeunes talents dans les disciplines de la guitare, le piano et le violon, offrant ainsi au monde les virtuoses de demain. La Fundación édite les œuvres du Maître, organise et participe aux événements nationaux et internationaux qui mettent en lumière les inédits de Rodrigo à ses débuts, la dimension créative et académique de ses œuvres et la trajectoire qui a fait de lui l'un des musiciens majeurs qui ont contribué au patrimoine culturel de l'humanité.

«Je pense que ma cécité m'a donné une plus grande connaissance du monde intérieur. /... / J'ai plus de souvenirs auditifs que visuels. Je me souviens du chant des grillons, des cigales, le martèlement des vagues, le son de l'orgue et des cloches de l'église de ma ville natale.

Alex Caire, Union Postale Universelle

Alex Caire

Martin Walton (1901-1981)

Historically, music printing and publishing in Ireland have been more concerned with satisfying demand for Irish and other music than with the promotion of works by indigenous composers. The first record of music printing specifically in Ireland dates from 1686 and rose to a peak in 1820 when more than twenty music printers, publishers and sellers operated in Dublin.

From the early 1920s Walton's and An Gum served the burgeoning demands of post-independence Ireland by publishing much Irish music, particularly arrangements, a practice continued by numerous other publishers up until recent times.

Martin Walton, a Dubliner, became involved as a teenager in the movement for independence, and at fifteen took part in the Easter Rising of 1916. He was interned at Ballykinlar Camp in Co. Down, and formed and taught the camp orchestra there. During his imprisonment he was involved in discussions about setting up an Irish School of Music under an Irish Government with some musical and other fellow internees.

On his release Walton worked as secretary to Senator Martin Fitzgerald, but he never lost sight of his musical ambitions. He also worked as a violinist and musical arranger for cinemas and, with a combination of musical knowledge and business acumen, began laying the foundations of what would become, and still remains, a successful and extensive range of commercial music activities. In 1924 he established the Dublin College of Music in North Frederick Street and began a retail music business there.

A gold medal violinist, he founded Waltons Music Shop in Dublin. From humble beginnings, he had started teaching from a small room in 4 North Frederick Street, supplementing his teaching earnings by playing violin and organising orchestras around Dublin for the silent movies. During the 1920s he began selling violins and other instruments and in the 1930s, began publishing Irish songs and music. By the 1950s he had started the famous Glenside record label and the much-loved Waltons music programme.

As the North Frederick Street shop became more and more established it also became a mecca for visiting emigrants who would buy all the new music publications and carry them to areas of Irish settlement throughout the world, and especially to Britain and the United States. Waltons is now in its third generation as a family run business. The Walton family, together with the Castle Hotel, decided to restore the fine terrace of five Georgian houses. It is also the home of Waltons Music Store, a name synonymous with Irish music and Dublin's vibrant Irish music culture.

Set in the city's busy thoroughfare, Castle Hotel and Waltons is a place where visitors to Dublin can savour the unique atmosphere of traditional Irish culture that **Martin Walton** first started to create in 1923. His sheet music with lyrics of Irish songs decorates the walls and rooms of the hotel and a coloured harp is a feature set in the paved entrance to this most historic building.

Irish popular song

The history of Irish popular song in the English language is not a very long one. English was only in the process of becoming the language of common currency in Ireland during the eighteenth century and it only became dominant in the second half of the nineteenth. But in spite of its relatively recent origins an enormous body of Irish popular song was created during these two centuries and the twentieth century.

The writers of the songs were aiming at an increasing English-speaking constituency within Ireland, and also at an audience in Britain and, especially after the Famine, at a large audience in the United States. Their motives were mixed: personal, cultural, political, and commercial.

The first major writer of Irish popular songs was the poet and musician Thomas Moore (1779-1852), a Dublin grocer's son who was one of the first Catholics to attend university, and who belonged to that English-speaking professional world which began to emerge in Ireland with the abatement of the Penal Laws.

Moore published his commercial and critically successful *Irish Melodies*, a ten-volume series begun in 1808 with an additional supplement in 1834 that established him as the national poet. They were popular also in translation throughout Europe. Samuel Lover (1797-1868), a Dublin contemporary of Thomas Moore, was famous in the Ireland of his day as artist, author and songwriter. He wrote some 300 songs and many librettos and musicals. He toured America and England with 'Irish Evenings'... pleasing his audience.

More successful over time than Samuel Lover and many another nineteenth century professional song writer was the political group of songwriters associated in the 1840s with the Young Ireland movement and its newspaper *The Nation*. Led by Cork born poet and cultural nationalist, Thomas Davis (1814-1845), they rejected the languishing melodies and the cloudy rhetoric of Thomas Moore's patriotic songs and replaced them by vigorous martial tunes and plainer, more direct lyrics designed to appeal to a mass audience, that set the style for patriotic ballads for the next seventy or eighty years.

Not all political popular songs however are Green. There is a very substantial body of Orange song, most of it written in the nineteenth century, and a lot of it is still seen as relevant to the politics of the twentieth century. It too is generally literary in language and has a history of publication in print, but it is not represented in the Walton publications which contain in song the views of mainstream nationalism.

A CD of 'Glenside Irish Classics' 2004 by Waltons (Publication Dept.), Dublin, contains a musical history and Selected Songs, with printed lyrics, from the Walton's Radio Programmes. It recalls the once most famous sentence in Irish music:

“And remember, if you do feel like singing, do sing an Irish song”.

Ita Marguet, ILO retired

(Louis) **Hector Berlioz** (1803-1869)

The bicentenary of the birth of the nineteenth century French Romantic composer, conductor and critic **Hector Berlioz**, was celebrated in 2003. His first successful work, the *Symphonie fantastique* (1829-30), was inspired by his love for the Irish stage actress, **Harriet Smithson** (1800-1854) from Ennis, Co. Clare. In 1827 she went to Paris with the Garrick Theatre production playing the roles of *Ophelia* and *Juliet* respectively in the performances of Hamlet, and Romeo and Juliet. The power and passion of her acting at the Odeon Theatre caused a great sensation in Paris, leading one critic to claim that she 'revealed Shakespeare to France.' It was to have a major influence on the life and music of Hector Berlioz that led to their short-lived and troubled marriage. Berlioz called her Henriette and the name stayed.

The first son of a staunch catholic mother and a doctor, Hector Berlioz was born on 11 December 1803 close to Grenoble at La Côte-Saint-André, Isère. He started his musical education at thirteen taking lessons in guitar, flute and singing. He never studied the piano as a child. His father enrolled him in a Paris medical school in 1821 that he disliked and abandoned after a year. His interest and later development in the field of music was fuelled on by attending operas in Paris. On a visit home in 1825, Berlioz' father decided to withdraw his son's allowance unless he abandoned music and took up a more suitable profession. His mother cursed him for bringing shame on the family by choosing the evil life of an artist. In 1826 his father finally did cut off his son's allowance. In 1826 Dr. Berlioz reinstated the allowance in view of his worry and admiration of his son's struggle and determination to succeed. It was the year when Berlioz entered the Paris Conservatoire to study Composition under Jean François Lesueur (1760-1837), French composer who was in the service of Napoleon and Louis XVIII.

Berlioz was not part of the Paris establishment and failed to win much recognition for his work that was judged eccentric or 'incorrect'. Yet his *Symphonie fantastique* with its fine movement was considered startlingly original as the most important product of this time. In August 1830 he finally won the coveted Prix de Rome for another work. He received some financial payment but reluctantly had to rely on journalism for a living that he found boring, writing as a music critic chiefly for the **Gazette musicale** and the **Journal des débats**. About his *Symphonie fantastique* (1829-1830) which he finished during the Revolution of 1830, Berlioz wrote ... *I dashed off the final pages of my orchestral score to the sound of stray bullets coming over the roofs and pattering on the walls outside my window.* He finally got his symphony performed on 5 December 1830. After the concert, the Hungarian composer Franz Liszt, whom he had met the day before, was excited about Berlioz's music and dragged him off to dinner. They became good friends.

Said to be a true Romantic spirit, Berlioz was fascinated by literature and travel. His music is characterised by a brilliant flair for orchestration and a natural gift for melody. His output is mainly orchestral and includes five operas. Poetry also marks Berlioz's vocal music. Shakespeare, Virgil and Goethe are amongst those who inspired many of his works categorized in the Gem Dictionary of Music as Opera, Orchestra, Choral works and Song cycle. Berlioz's renown is as orchestrator; he is the author of a

famous essay on orchestration and a volume of revealing memoirs. Old-fashioned objections to his work have died away particularly because conductors and orchestras have learned how to master the music's phrasing and its swerving rhythms, delicacy of orchestration and passionate melancholy. Berlioz was once thought of as a composer of brassy brilliance, but even some of his grandest works achieve their most memorable effects by stealth. It took the public a long time to recognize the classical masterpiece lying behind the romantic programme of the orchestral work in 5 movements, op 14 *Symphonie fantastique* (1830) inspired by his love for Harriet Smithson.

The French government had subsidized his composition of *Symphonie funèbre et triomphale* performed on the tenth anniversary of the 1830 Revolution. With this money he travelled extensively touring in Germany (1841-1843), Russia (1846-1847) and London (1847-1848) conducting his many works and causing a sensation. Between 1848 and 1855 he continued to travel with mixed results and started writing his memoirs. He was particularly successful in Germany where he visited Franz Liszt in 1855 at a time when he was getting the recognition and appreciation deserved of the great composer. His works were affecting other composers and his Treatise on Instrumentation was becoming a standard text book. By 1858 he had completed his greatest masterpiece, the opera *The Trojans*, based on Virgil's Aeneid, but the work never had complete performance in his lifetime. Failure of *The Trojans* so dispirited Berlioz that he practically ceased composition. His first official appointment came in 1859 as librarian of the Paris Conservatoire.

As a promising young musician he was engaged to a virtuoso pianist, Marie Moke, and was jilted when she chose to marry Camille Pleyel, a "rich older piano maker". He then fell in love with Harriet Smithson whom he married on 3 October 1833. Their son, Louis, named after Berlioz's father, was born on 14 August 1834. Louis joined the merchant navy and rose to the rank of commander. In the year of Harriet's death, on 17 October 1854 Berlioz married Maria Recio, an opera singer, who had been his mistress for many years. At the time he wrote to his son ... it was his *duty* to do so.

(Henriette) Harriet Smithson (1800-1854)

Born in Ennis, Co. Clare, Harriet Smithson achieved fame as a Shakespearean actress. Her father managed a theatre in Cook's Lane off present-day O'Connell Street, and her mother performed minor acting roles. Harriet took up acting as a result of her father's ill health and she first appeared in the Crow Street Theatre, Dublin, in 1815 playing Lady Teazle in Sheridan's *School for Scandal*. Although lacking in experience she attracted attention and her first London appearance was at Drury Lane in 1818. A vast theatre, Harriet's voice is said to have lacked the power necessary for her to achieve outstanding success there.

It was at the Paris theatrical production of Shakespeare in 1827 that Berlioz first saw her and fell instantly in love but she was famous and he was not. She thought of him as mad but he idealised and pursued Harriet in a bizarre courtship during which he was also keen to prove himself as an established artist. To make ends meet, he got a job as a chorus singer at a vaudeville theatre as he was an excellent sight reader. He was not proud of this position and took pains to keep it hidden from everyone. In 1828 he took

lessons in English so he could read Shakespeare. After much planning and saving up, he gave a concert to show Harriet that he was also an artist but she never heard anything of it. Later he got his Waverley overture played at one of Harriet's performances but she never heard it. His works include a choral symphony, *Roméo et Juliette*.

In November 1832, Berlioz returned to Paris from Rome and moved into an apartment that coincidentally had been occupied by Harriet Smithson only days before. On finding out, old feelings for her flooded back. In December he gave a concert of *Symphonie fantastique* and its sequel, *Lélio, ou la retour à la vie*. He invited Harriet to sit in a box and she attended. The next day she gave permission for Berlioz to meet her. Harriet's career was failing; she was in financial difficulty and more inclined to develop a friendly and closer relationship. She saw Hector as a way out of debt so on 3 October 1833, with Franz Liszt as a witness, they were married in a quiet ceremony at the British Embassy in Paris. The next year they moved to Montmartre and on 14 August 1834 she gave birth to their son, Louis. Some years later, the marriage between Harriet and her husband became strained, largely due to Harriet's failure as an actress and jealousy of her husband's success and his popularity with the women he met in the course of his work. She started drinking and her natural beauty and health were deteriorating. By 1842 they were separated and Harriet began to suffer from a paralysis which left her unable to talk or move. (Henriette) Harriet Smithson Berlioz died at home in Montmartre on 3 March 1854. Berlioz's second wife, Maria Recio, died of a heart attack in 1862. His son, Louis, died on 5 June 1867 of yellow fever while on duty in Havana.

The last years of (Louis) Hector Berlioz's life were dogged by loneliness and a serious nervous affliction. He took to his sick bed in January and died in March 1869. He is buried in Montmartre Cemetery, Paris, where a square now bears his name with a statue that overlooks it. Harriet and Maria Recio are buried there too. The Hector Berlioz Museum in La Côte-Saint-André, Isère, is dedicated to his work and family. Many streets and other public places are named after Hector Berlioz.

The inscription on the vault at Montmartre Cemetery reads: *Henriette Constance Berlioz Smithson, née à Ennis en Irlande, mort à Montmartre le 3 mars 1854.*

Ita Marguet, ILO retired

Sir Edward (William) Elgar (1857-1934)

Sir Edward Elgar was the preeminent English composer of his age and surely the greatest since Henry Purcell (1659-95). Elgar composed vocal and symphonic music in the Romantic style of the late nineteenth and early twentieth century. He was crucial in stimulating a renaissance of English music following up on the great Victorian composer Sir Arthur Sullivan (1842-1900), who created wonderful comic operas to librettos by William Gilbert, and foreshadowing the work of other British composers including Gustav Holst, Ralph Vaughan Williams and Benjamin Britten.

Elgar is known for choral works, two symphonies, concertos for violin and cello and chamber music. His best known works are the *Enigma Variations* (1899), the oratorio *The Dream of Gerontius* (1900) and his patriotic pieces of five *Pomp and Circumstance Military Marches* (1901-30). The composer dedicated each March, as tribute, to a friend. The first March in D Major was later to become the patriotic British anthem **Land of Hope and Glory**, one of the most popular songs played during wartime, and still sung today. The music behind the tune was composed in 1901 for incoming King Edward VII - *Coronation Ode* - with lyrics written later by poet and essayist, Arthur Christopher Benson.

From an ordinary background Elgar rose to great heights. He was knighted by King Edward VII and became Master of the King's Musick in 1924, an influential appointment within the Royal household. Through the Elgar Society in England many events are held to promote and celebrate the works of the composer. The house of his birth is now a dedicated museum and places, monuments and statues exist in his memory. Described as "the world's largest and most democratic music festival", Sir Edward Elgar's works remain a favourite with audiences at the annual summer season of classical music BBC Promenade Concerts, known as The Proms. First conducted by Sir Henry Wood in 1895, since the Second World War the concerts have been held predominantly at the Royal Albert Hall in London. With state of the art technology, its newly refurbished Elgar Room was ceremoniously re-opened in October 2009.

Edward Elgar was born on 2 June 1857 in Worcester in the English Midlands. Son of a piano tuner, music dealer and organist, while spending time in his father's shop he was able to develop an early interest in music. Mainly self-taught, he took piano lessons from his father and became proficient on violin and organ. He played organ and taught music in Worcester but it took a long time for his musical talent to be recognised.

As a member of the Roman Catholic minority in a Protestant majority England, and with a late Victorian society where class consciousness pervaded everything, his long struggle to establish himself as a pre-eminent composer of international repute was hard and often bitter. For many years he had to contend with apathy, with the prejudices of the entrenched musical establishment and with religious bigotry.

In 1889 he married a pupil, Caroline Alice Roberts, daughter of a Major-General from the English colonial establishment who wrote poetry and prose. Her mother had died and she married Edward in opposition to her aunts and cousins who considered marrying merely the son of a tradesman was beneath her family and social status. She

showed a dogged faith in her husband's genius playing a vital part in the development of Elgar's struggling career.

Elgar's settings of his wife's poems in *Scenes from the Bavarian Highlands* (1896) were inspired by holidays they spent in Germany. At times when success seemed forever to be eluding him, she never lost faith. In short she had been the driving force behind his genius encouraging him and proclaiming his talents at every opportunity.

His wife died in 1920 and with her died much of Elgar's inspiration and will to compose. She had organised his household, ministered to his comforts and promoted contacts for his work. She would walk miles to post his compositions to places in London and elsewhere. Saddened by his bereavement and by the social and musical changes brought about by the war, through the 1920s Elgar lived in virtual retirement. Outwardly content to live the life of a country gentleman in his beloved Worcestershire with his dogs, he sometimes emerged for the occasional visit to London or for a conducting or recording assignment.

For thirty years after his death on 23 February 1934, his music was considered to be 'out of fashion'. It was said to epitomise the Edwardian era and to have no relevance to a later age. In contrast, seen as music of so personal a nature, one biographer described it ... not as "Edwardian" but only as "Elgarian"... a lasting tribute to the fame and continuing interest in the works of the quintessential English composer.

Ita Marguet, ILO retired

The Power of Music

“It is music to my ears.” How often do we use this expression? And are we always listening to music when we say that? Or are we talking figuratively. What this means is that music empowers our lives far beyond music *strictu sensu*, and that we attribute to music a quality that suffuses the non acoustic inputs, that ennobles everything it is associated with, whether literature, architecture or even sports.

Music is the universal language and very often words are superfluous in musical expressions, as the emotional dimension goes well beyond the confines of any verbal expression. Felix Mendelssohn-Bartholdy wrote a series of *Songs without words* in 1830 which express universal sentiments and its own musical meaning without any language connotation. Franz Liszt rearranged many “Lieder” into *Lieder ohne Worte* for the piano.

What magic is in music that it often calms us down and gives us consolation? We don't need to master many language in order to feel the mastery of music! Music also has that ineffable potential to unite people, regardless of their origin. Daniel Barenboim established an orchestra, the *Diwan*, with young Palestinian and Israeli musicians. It breaks down Walls, it jumps over barriers, it practices harmony in the most human and transcendental way.

Many famous classical singers cannot withstand the power and attraction of music and later on become conductors, while others combine the two. Plácido Domingo, the Spanish-Mexican Tenor is only one of many outstanding examples. The human voice may touch our soul in religious songs such as Franz Schubert's *Ave Maria* or Cesar Franck's *Panis Angelicus*. The two concerts of the three tenors at the Soccer World Championship in 1990 and 1994 went from the ear into many a soul.

In sum, music, even outside the classical realm, has an “*überirdische Attraktion*”, an ethereal appeal from stars, galaxies, planets -- and from the intimacy of our hearths. We may not consciously articulate it. We may not always be aware of it, but one thing is certain: we cannot deny the power of music.

Johannes van Aggelen, OHCHR retired

UN POCO SOBRE LA MÚSICA COLOMBIANA

La música colombiana podemos dividirla en cuatro regiones: la **costa del Atlántico**, la del **Pacífico**, la región **andina** y Los **Llanos Orientales**.

La música del Atlántico o del Caribe, tiene ritmos calientes para bailar, como la cumbia, originaria de este país, el porro y el mapalé. La cumbia se acompaña especialmente con la guacharaca (1). La música del Pacífico con cierta influencia española, tiene ritmos como el currulao, en el cual predominan los tambores. La música de la región andina también tiene influencia española. Hay una gran diferencia con la música andina del Perú y de Bolivia. Tenemos ritmos de bambuco, pasillo, guabina, torbellino, etc., todos interpretadas con instrumentos de cuerda o con piano. La música llanera se oye en general interpretada con arpa (3), cuatro (4) y maracas. Es tanto colombiana como venezolana pues en ambos países se interpreta y se ama por igual.

Además de estas formas tradicionales, hay dos estilos de música que son muy populares en todo el país. Estos son: la salsa y el vallenato. Cali, departamento de El Valle, se conoce como la capital de la salsa. El vallenato ritmo conocido hace muchos años, proveniente de La Guajira y del Cesar, está muy popular actualmente y se interpreta con acordeón europeo y otros instrumentos. La música vallenata también de gran expansión e importancia, tiene su origen en la costa norte, más exactamente en la provincia de Valledupar, donde la influencia de los ritmos de los esclavos cimarrones desde los tiempos de la colonia mezclados posteriormente con los juglares de finales del siglo XIX e inicios del XX, y matizados por otros sonidos musicales, dieron forma a este género tan difundido en todo el país, y que en los últimos años se ha internacionalizado de la mano de artistas como Carlos Vives, oriundo de Santa Marta.

Cada uno de los instrumentos citados se pueden describir separadamente: su composición, su origen, sus principales compositores, cantantes, su forma de interpretación, el sentido de su baile, etc. Sería bien largo hablar de esto aunque muy interesante conocerlo. Como un somero ejemplo podemos citar el “porro”, que es un aire musical mestizo y de ahí en adelante, viene su historia, sus compositores y tradiciones, dónde y cuándo se baila más, qué son sus movimientos, etc.

1) La **guacharaca**: Su interior es tallado con forma de canoa. La guacharaca tiene el grosor de un mango de escoba y puede ser tan largo como un violín. De hecho, la guacharaca se interpreta en una posición relativamente similar a la postura del violín.

(2) El **Arpa**: Es un cordófono cuyo origen se remonta 3.000 años antes de Cristo. Consta de 30 a 34 cuerdas aunque hay modelos antiguos de 47 cuerdas. Posiblemente fue introducida por los jesuitas para oficios religiosos.

(3) El **acordeón** es un instrumento musical, de origen alemán, conformado por un fuelle, un diapasón y dos cajas armónicas de madera. En sus dos extremos el fuelle está cerrado por las cajas de madera. La parte de la mano derecha del acordeón tiene además un "diapasón" con un arreglo de teclas que pueden ser como las de un piano (*Acordeón a piano*) o teclas redondas (también llamadas botones) (*Acordeón cromático*) dependiendo del tipo de acordeón.

(4) El **Cuatro**: El Cuatro es un instrumento musical típicamente de origen llanero, que consta como lo indica su nombre de cuatro cuerdas, las cuales pueden ser de tripa o de nylon.

Aunque de música colombiana hay muchísimo de que hablar, dejemos hasta aquí, por ahora.

Rosa Montoya de Cabrera, OHCHR retired

Bell Set of Marquis Yi

A few years ago, a friend made me listen to a tape recording of Beethoven's "Ode to Joy" played on a musical instrument that I had never heard before. I could tell that the music must have come from bronze bells but the sounds were very different from those of the church bells that we have in Europe. Then he told me that it was a Chinese musical instrument called Bianzhong, or Bell Set, dating back to before 433 B.C.

I have read about the peals played by the ringers of tower bells in England. But the "peal" is basically a game of permutations of the ringing sequences among several bells (usually not more than 8), and not a musical performance of bronze bells as a musical instrument. I was intrigued by this instrument and decided to find out more about it.

A few years later, on my home visit to China, I made the point of going to Hubei to visit the Hubei Provincial Museum where the Bell Set was kept. And it was an impressive experience.

Bianzhong is consisted of 65 ellipse shaped bronze bells hung on a wooden bell frame (see attached image file). The museum personnel explained that Bianzhong was a musical instrument used on ceremonial occasions in the ancient Chinese courts. The one on exhibit belonged to the State of Zeng, a rich kingdom of the early Warring States Period (475 B.C. – 221 B.C.), and it had been buried underground for more than 2400 years before being excavated from the tomb of Marquis Yi in 1978.

It is indeed a "huge" instrument as it comprises of 65 bronze bells weighing altogether more than 2-and-a-half tons (2,567 kg). The bells are hung on a wooden frame that has long rack (7.8m) and a short rack (3.35m). The total weight of bells and racks amounts to 4,400 kg. Because of its size and weight and as it covers 5-and-a-half octave, it takes 4 musicians to play it.

There is a reason for the ellipse shape of the bells: the sound of round bells lasts too long to play any music, whereas the ellipse shape makes the sound decay much faster. Another advantage of the ellipse shape is that the bell can be sounded from two different directions (front or side) thus producing two tones. The one on exhibit in the Hubei Provincial Museum is also special in that the two tones of the bell have a harmonious three-degree interval between them. The tonal range of the Bell Set of Marquis Yi is from C2 to D7. In the middle area of the tonal range, it can play all twelve half tones. It is the earliest instrument discovered so far in the world that could play all twelve half tones.

According to scientific analysis, the relative portions of copper, lead and tin in the alloy used in the bells are perfect for producing the best timbre while making a durable bell. Even the patterns and spines on the bells are designed for best sound effects.

Remarkably, it was found that on the body of the bells, there are over 2,800 inscription words that after deciphering turn out to be the instructions for playing Bianzhong, accompanied by a short essay of the highly developed ancient Chinese music theory. The brief expose on temperament on the bells shows that China has developed its own temperament theory since over 2400 years ago, which refutes the previous belief that China's understanding of temperament was an adaptation of the Greek theory. Bianzhong or the Bell Set of Marquis Yi is therefore a material testimony to the diversity of human appreciation for music, a truism repeatedly confirmed in other human achievements.

The Bell Set of Marquis Yi made its first formal performance since excavation on the occasion of the 35th anniversary of the People's Republic China in 1984. On that occasion it played for many foreign diplomats several famous Chinese and foreign music pieces, including "Ode to Joy".

Bianzhong is expectedly a pride of China and has made cultural exchange voyages to many countries. I learned lately that during the 2008 Beijing Olympic Games, Bianzhong was used in the logo music at the start of each event: resounding 18,000 times in total, as well as in the award music when each of the 6,000 Olympic medals was presented to the winning athletes.

David Huang, UNOG retired

**See Hubei Provincial Museum website for pictures of the musical instruments
<http://www.warriortours.com/cityguides/wuhan/museum.htm>**

多多与音乐

那年多多五岁。一次，中国上海宋庆龄基金会的小音乐家们应日内瓦华人友谊会的邀请来日内瓦演出。多多兴冲冲地跟他老爸和我去看演出。当看到中国小朋友在台上那么精湛的表演时，他兴奋地问我：“妈妈，我也可以学钢琴吗？”我会心地笑着说：“是不是那个七岁的小女孩弹得太棒了，你也想跟她一样牛气？”他笑而不答。这应该是多多平生第一次近距离地接触中国民乐和发现古典音乐的美妙。

六岁，多多终于等到了学琴的这一天。瑞士钢琴老师 Franz 从跨进我们家门的第一天起，就深深地吸引住多多的音乐兴趣。初生牛犊不怕虎，刚学琴不到三个月的多多就喜欢上了贝多芬的《献给爱丽丝》。在第一次汇报演出上，多多高高兴兴地弹奏了并非“正版”却是他自己演绎的《献给爱丽丝》版本。在他的音乐里，没有爱情，没有浪漫，人们听到的只是那纯真和喜悦的音符。

随着年龄的增长，多多的音乐也开始长大。通过不断地接触各种各样细微的音乐变化，他慢慢地明白他的指尖不能只弹出欢乐的追逐的乐句，还应该弹出让人宁静，让人幻想的乐章。有一次，当他弹奏完巴赫的一首二部创意曲时，一位白发苍苍的法国女士走过来，亲切地拿着多多的小手，告诉他说：“小家伙，你把我的眼泪都弹出来了。你弹得很好！”红着小脸，眨着小眼，大大方方的多多急切地追问她：“你说的是真的吗？”“是的，是真的！”从此，多多就很想用他喜爱的曲目去感动别人，去获得更多的掌声。

十岁的多多终于脱颖而出，一举获得全瑞士青少年音乐比赛的大奖。当组织者问每位一等奖获得者在最后颁奖音乐会上将演奏什么曲目时，多多毫不犹豫地选择弹奏中国作曲家贺绿汀的《牧童短笛》。为什么？“因为我是中国人。我喜欢这首曲子，也想大家喜欢它。”就这样，多多似乎明白音乐应该是人们共享的语言，无论中外，无论古今，无论年龄。

今年，多多就读的日内瓦国际学校，再次邀请他在“国际和平日”为中学部的同学们表演；他欣然答应，演奏了他最喜欢的贝多芬的《悲怆》第一乐章。之后，班主任老师问他为什么不在《个人问卷

》“爱好”一栏填上“音乐或钢琴”时，多多轻轻地笑着说：“你知道吗？钢琴不是爱好，是工作！”

毫无疑问，多多热爱掌声，喜欢有人鼓励和欣赏。但作为妈妈的我也很清楚：因为有了音乐，多多的生活就充满了神奇，充满了感悟，充满了故事……！

Yong Li, UNOG

Temple of Heaven, Beijing

On Music and Language

Who hasn't heard quotes like: "Music is what feelings sound like", or "We dance for laughter, we dance for tears, we dance for madness, we dance for fears, we dance for hopes, we dance for screams, we are dancers, we create dreams" and of course there is our favorite Shakespearean quote "If music be the food of love, then play on".

Recently I decided to try my hand at composing, modestly, yet inspired, as one should be when creating. Inspiration comes when you least expect it, perhaps that's why the life of an artist is commonly known for having periods of great difficulty. I encourage everyone to make, or listen to music, not much encouragement is needed with all the gadgets that are part of our modern world, yet one should be choosy and direct one's taste buds so as to enjoy it more than being subjected to it. As to the meaning of my piece I keep to myself, it may not even be memorable, but the quotes above are clues that perhaps make it immaterial. The piano part can be played alone and is meant to be akin to a lullaby or a *habanera*, with the added joy of playing together with various other instruments. It is not difficult.

Rafael VG Rodriguez, UNSW/SENU

Hans Schmidt animating the Ex Tempore Evening

tema2

by Rafael Rodriguez

$\text{♩} = 80$

arranged by José Halac

Flute

Oboe

Clarinet in B $\flat$

Piano

p

p

mp

mp

3

4

Fl.

Ob.

Cl.

Pno.

3

3

3

8

Fl.

Ob.

Cl.

Pno.

3

3

12

Fl. mp 3

Ob. mp 3

Cl.

Pno. mp 3

Detailed description: This system covers measures 12 to 15. The Flute part begins with a whole rest in measure 12, followed by eighth notes in measure 13, a quarter note in measure 14, and a triplet of eighth notes in measure 15. The Oboe part has a triplet of eighth notes in measure 12, followed by eighth notes in measure 13, a quarter note in measure 14, and a quarter rest in measure 15. The Clarinet part plays eighth notes throughout. The Piano part features a triplet of eighth notes in measure 12, followed by eighth notes in measure 13, a quarter note in measure 14, and a triplet of eighth notes in measure 15. The key signature is two sharps (F# and C#).

16

Fl.

Ob. 3

Cl.

Pno. 3

Detailed description: This system covers measures 16 to 19. The Flute part has a quarter note in measure 16, followed by quarter notes in measure 17, a quarter rest in measure 18, and a triplet of eighth notes in measure 19. The Oboe part has a quarter note in measure 16, followed by quarter notes in measure 17, a quarter rest in measure 18, and a triplet of eighth notes in measure 19. The Clarinet part continues with eighth notes. The Piano part has a quarter note in measure 16, followed by quarter notes in measure 17, a quarter rest in measure 18, and a triplet of eighth notes in measure 19. The key signature is two sharps (F# and C#).

21

Fl.

Ob.

Cl.

Pno. 3

Detailed description: This system covers measures 21 to 24. The Flute part has a quarter note in measure 21, followed by quarter notes in measure 22, a quarter rest in measure 23, and a quarter note in measure 24. The Oboe part has a quarter note in measure 21, followed by quarter notes in measure 22, a quarter rest in measure 23, and a quarter note in measure 24. The Clarinet part continues with eighth notes. The Piano part features a triplet of eighth notes in measure 21, followed by eighth notes in measure 22, a quarter note in measure 23, and a triplet of eighth notes in measure 24. The key signature is two sharps (F# and C#).

25

Fl.
Ob.
Cl.
Pno.

Detailed description: This system contains measures 25 through 28. The Flute part (Fl.) begins with a quarter rest, followed by eighth notes in measures 26 and 27, and a sixteenth-note triplet in measure 28. The Oboe part (Ob.) has a quarter rest in measure 25, followed by eighth notes in measure 26, a quarter rest in measure 27, and eighth notes in measure 28. The Clarinet part (Cl.) has a quarter rest in measure 25, followed by eighth notes in measure 26, a quarter rest in measure 27, and eighth notes in measure 28. The Piano part (Pno.) features a bass line with eighth notes and chords, and a treble line with chords and a fermata in measure 27.

29

Fl.
Ob.
Cl.
Pno.

Detailed description: This system contains measures 29 through 31. The Flute part (Fl.) has eighth notes in measure 29, a quarter rest in measure 30, and eighth notes in measure 31. The Oboe part (Ob.) has eighth notes in measure 29, a quarter rest in measure 30, and eighth notes in measure 31. The Clarinet part (Cl.) has eighth notes in measure 29, a quarter rest in measure 30, and eighth notes in measure 31. The Piano part (Pno.) continues with a bass line of eighth notes and chords, and a treble line of chords.

32

Fl.
Ob.
Cl.
Pno.

Detailed description: This system contains measures 32 through 35. The Flute part (Fl.) has a triplet of eighth notes in measure 32, followed by eighth notes in measure 33, a quarter rest in measure 34, and eighth notes in measure 35. The Oboe part (Ob.) has a triplet of eighth notes in measure 32, followed by eighth notes in measure 33, a quarter rest in measure 34, and eighth notes in measure 35. The Clarinet part (Cl.) has eighth notes in measure 32, a quarter rest in measure 33, eighth notes in measure 34, and eighth notes in measure 35. The Piano part (Pno.) has a bass line with eighth notes and chords, and a treble line with chords and triplets in measure 32.

36

Fl.
Ob.
Cl.
Pno.

This system contains measures 36 through 39. The Flute part features a melodic line with a triplet of eighth notes in measure 37. The Oboe part has a triplet of eighth notes in measure 37. The Clarinet part plays a steady eighth-note accompaniment. The Piano part features a complex accompaniment with triplets and slurs in measures 37 and 39.

40

Fl.
Ob.
Cl.
Pno.

This system contains measures 40 through 42. The Flute part has a long slur over a series of eighth notes in measure 41. The Oboe part has a triplet of eighth notes in measure 40. The Clarinet part continues with eighth-note accompaniment. The Piano part has a triplet of eighth notes in measure 40.

The Alpine Horn: an instrument of peace

The alpine horn or labrophone is a traditional wooden instrument popular with mountain dwellers in Switzerland and elsewhere in the Alps. It consists of a natural wooden horn made from solid softwood, generally a spruce, and is equipped with a removable cup-shaped mouthpiece, mostly of nobler hardwoods. Its history is not altogether clear, some scholars believing that it was derived from the Roman-Etruscan *lituus* horn.

It appears that since medieval times, the Alphorn has been used as signal instrument in village communities, especially in hilly terrain, enabling acoustic messages to be diffused down to the valley or up to a neighbouring hill, e.g. to warn about fires or announce particular events, sometimes substituting for churchbells. Unlike brass that tends so sound aggressive or strident, wooden instruments produce mellower sounds, inappropriate for war purposes. Unlike the trumpet, the trombone, or the drums, the alpine horn can be described as an instrument for peace.

A traditional Swiss medoly, the *Ranz de Vaches*, describing the time of bringing the cows to the hills, is often heard on the alphorn, and Rossini used the theme effectively in his opera about the Swiss legendary hero *William Tell*. Johannes Brahms took inspiration for the horn in the introduction to the fourth movement adagio of his first symphony from an alphorn melody he once heard while vacationing in the Rigi mountains, facing the Pilatus.

Sounds of peace on the Rigi, overlooking the quiet waters of Lake Lucerne

Alphorntrio
mit Echogruppe

Engelberger Echo

Johann Aregger
arr. P. Baumann

A

1. Alphorn *f* *mf*

2. Alphorn *f* *mf*

3. Alphorn *f*

1. Echo AHn *mf* *mf* *mf*

2. Echo AHn *mf* *mf* *mf*

B

mf *mf* *mf* *mf* *mf* *mf*

C

mf *mf* *mf* *mf* *mf* *mf*

mf *mp* *mp*

Alphorntrio m. Echo

Engelberger Echo - 2. Seite

Johann Aregger

23

mf f

mf f

mp mp

28 D

mf

mf

37 E

ff ff ff

f rit.

f

RÉFLEXIONS

REFLECTIONS

REFLECCIONES

MOMENTS MUSICAUX

La Symphonie errante

D'un vert jardin d'Italie
Aux largos teintés de rêves
Je décris mes derniers vers
Parsemés de nostalgie.

Nocturne

Sur la portée d'un songe
Gravons nos notes ailées
Et recomposons ce monde.

Pianissimo-moderato

Sur le piano d'un soir,
J'ai allumé la chandelle de l'espoir.
Et de ce clavier qui m'aspire l'âme
Défilent sous mes doigts tremblants,
Les touches blanches et noires de l'existence.
Chacune d'elles enflamme mon cœur,
Le dévorant de mille célestes bonheurs.
Ma partition n'est qu'un moulin-à-vent
Perdu dans la nostalgie d'un temps.

Rayon de soleil

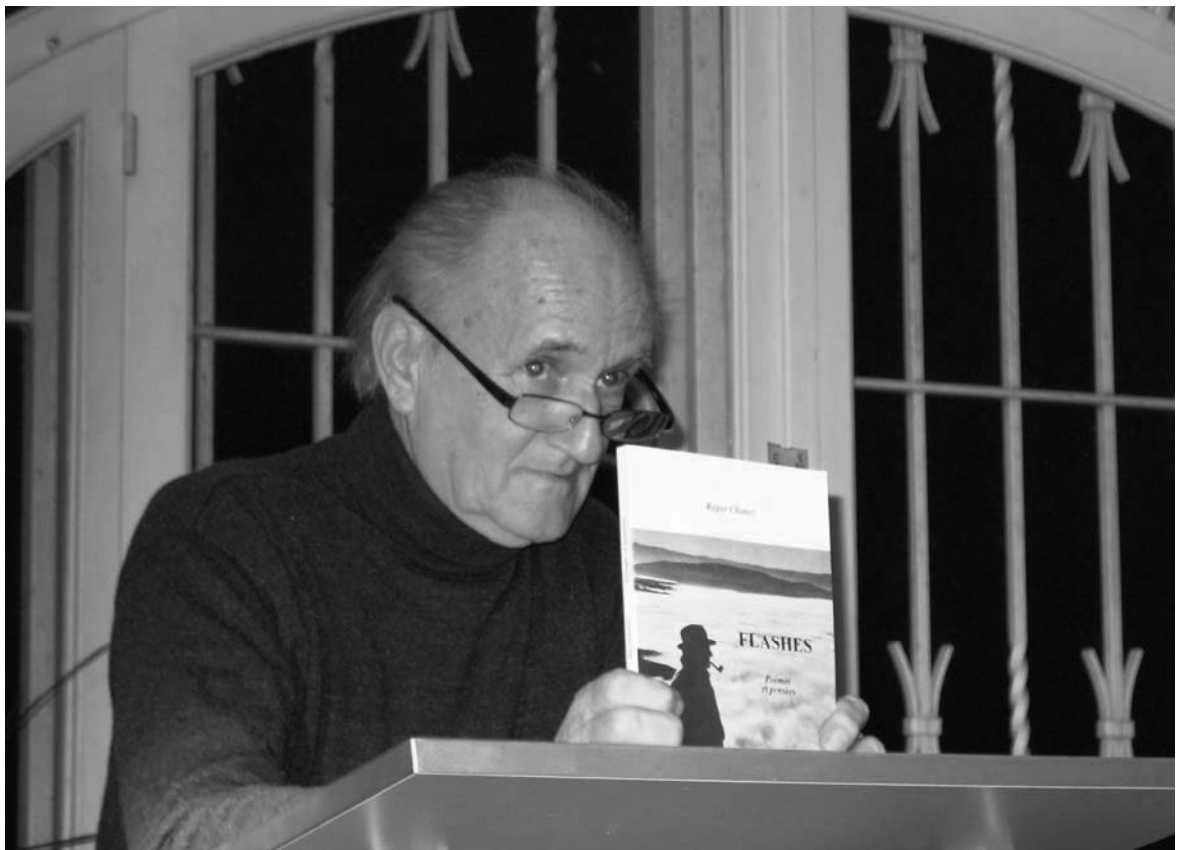
D'un ciel enchanteur d'Italie
J'entends au loin Pavarotti
M'inviter au chant nostalgique
D'un rayonnement qui m'habite.

Le bourdon

Comme la corde plaintive du violoncelle
Les vrombissements frénétiques d'un bourdon
Réveillent en moi des printemps qui s'ensorcellent.

L'éden de William Walton

Telle une symphonie
Bercée par la mer,
L'éclat d'une harmonie
En un jardin du Maître.

Roger Chanez, UNSW/SENU

Imágenes y Ecos

Cantos de otoño
aria en tono menor
sin trinos de pájaros
una semicorchea lanceolada
cae en sesgo
por el pentagrama de las ramas.

Oigo la *Flauta Mágica*. Trato de que me sirva de inspiración sublime. Ensayo el efecto que puede producir sobre mis descripciones : La de aquellos dos cuarentones que están jugando al ping-pong al lado de la piscina, la del laurel rosa iluminado por la luz rasante del crepúsculo, la de la joven mamá rubia que empuja el cochecito con su bebe. Nada. Impotencia completa. Los encantos de la Flauta de Mozart no surten sus Milagros. No pinta la grandeza quien quiere.

Ansío que los compositores se pongan a escribir música para estas salas de conferencia y que estas pobres paredes asistan a otras armonías fuera de estos ridículos debates de procedimiento o rituales para entronizar convenciones.

La lira es como un diapasón con cuerdas.
La canción es como ese único « la » que vibra en el espacio, en ese espacio al que se le ha quitado el tiempo. Al que se le ha quitado el tiempo con el conjuro de las palabras.

No quiero la poesía
que es pintura
Quiero la poesía
sonora
la que tu hijo
te cantará
mañana.

Sergio Chaves, UNOG retired

PURPLE MUSICAL COWS

True immortality is only for artists and composers. Napoleon is dead – Beethoven lives; Boris Godunov is dead – Mussorgsky lives; Prince Igor is dead – Borodin lives; Don Carlos is dead – Verdi lives.

In his *Sonnets to Orpheus*, Rainer Maria Rilke gave wings to his feeling that: *Gesang ist Dasein*, which approximately translates as “singing is being”. Maybe the converse is even truer: Being is serenade, symphony, opera, melody, rhythm, dance!

Wind, water and fire are universal music listened to by generations, resounding since *illo tempore*, uniting all humanity, inspiring poets and musicians, sung in a myriad melodies echoed in our dreams.

Friedrich Nietzsche (1844-1900) once said “without music life would be a mistake”. He erred. Actually life without music is unimaginable, metaphysically impossible: By nature man is a musical animal. And if there is silence somewhere – anywhere -- leave it to man to start beating two sticks in rhythm and syncopation, swing his legs, dance out his joys and sorrows.

Composer Ludwig van Beethoven (1770-1827) defined music as follows: "The one incorporeal entrance into the higher world of knowledge which comprehends mankind but which mankind cannot comprehend." True enough, the *Missa Solemnis* comprehends mankind, but how many humans can grasp the ineffable transcendentalism of the *Benedictus*? One can only feel it.

Gilbert Keith Chesterton (1874-1936) noted “music with dinner is an insult both to the cook and the violinist”. That of course depends both on the cook and the violinist.

In *Man and Superman (1903) act 3*, George Bernard Shaw (1856-1950) observed that “hell is full of musical amateurs.” Presumably he meant that those who interminably murder *Für Elise* are doomed forever.

Henry David Thoreau (1817-1862) concluded in *Walden (1854)* that “if a man does not keep pace with his companions, perhaps it is because he hears a different drummer. Let him step to the music he hears, however measured or far away.”

Who would question the judgment of Groucho Marx (1890-1977) when he observed that “military justice is to justice what military music is to music”? This has many applications – including in the context of the “war on terror”. But who said it first? Some attribute the quote to Clemenceau, and there are possibly earlier sources.

The eternal optimist Peter Ustinov (1921-2004) left us many a good reflection: “I was irrevocably betrothed to laughter, the sound of which has always seemed to me to be the most civilized music in the world.” Of course, he was probably not thinking of Klytemnestra’s laughing fit in Richard Strauss’ *Elektra*.

In *My Life and Music* (1961) the pianist Arthur Schnabel (1892-1952) answered a performer's existential question: "What do you think of our audience?" – "I know two kinds of audiences – one coughing and one not coughing." Of course, there is also the sneezing audience and those public nuisances who forget to turn off a mobile phone.

Johann Wolfgang von Goethe (1749-1832) reminded us that: "A man should hear a little music, read a little poetry, and see a fine picture every day of his life, in order that wordly cares may not obliterate the sense of the beautiful which God has implanted in the human soul". If politicians and other war-mongers would occasionally read Goethe!

The unorthodox humanist of the Perigord Michel de Montaigne (1533-1592) knew his history: "There is nothing more notable in Socrates than that he found time, when he was an old man, to learn music and dancing, and thought it time well spent". It is reported that since childhood music always accompanied Michel, and that he was particularly fond of the sound of the zither from the Vosges region.

In *The Twelfth Night* William Shakespeare (1564-1616) wrote:

"If music be the food of love, play on;
give me excess of it, that, surfeiting,
the appetite may sicken, and so die.
That strain again! It had a dying fall:
O, it came o'er my ear like the sweet sound
that breathes upon a bank of violets..."

This is like listening to a five-hour opera and not wanting it to end. But sometimes: wouldn't you want just to strangle the dying *Heldentenor* in Tristan so that Isolde gets a chance to sing her *Liebestod*?

Conductor Leopold Stokowski (1882-1977) famous for many things, including the film *Fantasia* once noted that "a painter paints pictures on canvas. But musicians paint their pictures on silence." What remains a miracle is that a melody that did not exist before, exists forever after it has been composed.

Composer Arthur Honnegger (1892-1955) regreted that "there is no doubt that the first requirement for a composer is to be dead." Alas, this requirement also applies to painters, poets and even to aphorists.

How incomparably sad that Johann Sebastian Bach (1684-1750) never heard Beethoven (1770-1827), that Beethoven never heard Wagner (1813-1883), that Wagner never heard Aram Khachaturian (1903-1978)! We are the lucky ones who can hear them all, in any order we want!

Music of the wetlands: whistling ducks, burdekin geese, magpie geese, crickets, kookaburras, kites, pelicans – there is a very special poetry in the wetlands.

Music is far more memorable than history. We all remember Johann Strauss'

Radetzky march, but who remembers the fine Austrian General Johann Radetzky (1766-1858), born a Czech nobleman in Trebnice as *Josef Václav hrabě Radecký z Radče*?

When Richard Wagner (1813-1883) once said “macht Neues Kinder”, he was not asking for his operas to be made into parodies, he was encouraging other composers to break new ground, to compose independently, to invent new sounds - like Richard Strauss’ *Salome* or Tchaikovsky’s *Eugene Onegin*. He never implied that “new” meant dismantling his operas and making Lohengrin appear like the pied piper of Hammeln.

A concertante performance of any opera is many times preferable to a “spectacle” in which the production unstages the music. As the German soprano Elisabeth Schwarzkopf (1915-2006) remarked in a *Newsweek* interview on 15 October 1990, “so far no one has dared go into the Louvre to spray graffiti on the *Mona Lisa*, but some opera directors are spraying graffiti over masterpieces.” Worse: It is cultural dismantlement.

Musicals, operettas and zarzuelas delight in happy ends. Grand opera mostly wallows in tragedy.

Best poet, *best* novelist, *best* composer, painter, sculptor, architect... What nonsense! Just as silly as establishing the “top ten” list. It is precisely diversity that gives meaning and contour to our lives, that expands our horizon, liberates us - through literature, music, art, the myriad tastes and perfumes of life.... There may be millions of very good books in many languages, inspiring symphonies, sublime operas, Masses, *Te Deums*. It cannot and should not be champagne all the time: A beer sometimes satisfies the palate – and one’s thirst -- much better. An apple is a fine fruit – but is it the “best” fruit? Happily there are also peaches and pears and mangoes. Why bother make any listing? And where does this infantile compulsion to classify and catalogue life come from?

Sing to those who suffer in silence, sing to the abandoned and forgotten, sing to the depressed, sing to the despised. Sing to the unsung victim. Sing Matthew V!

Singing false in a choir means becoming a soloist without really wanting to.

Vinum et musica laetificant cor - Wine and music gladden the heart. Much more than that: One can be inebriated with music, especially if one is a singer and is producing the sounds of “*Auferstehen, ja auferstehen!*” of Mahler’s *Resurrection* Symphony.

Musica delent bestiam feram - Music soothes the savage beast. And not only. Everybody has heard of the “Mozart effect”. Indeed, in 1993 researchers from the University of Wisconsin and UC Irvine claimed that listening to a Mozart Sonata increased IQ. This idea has been allegedly confirmed by studies around the world. *Mozart tunes help plants to grow better*. Is this a hoax? Probably. Still, *se non è vero, è molto ben trovato!* Here a news item from Wellington, New Zealand 8 November 2010: «Classical music piped through speakers has dramatically reduced crime rates in the centre of New Zealand's second largest city, retailers said

Monday. They said the introduction of soothing music from composers such as Mozart had seen the number of anti-social incidents attended by security guards in Christchurch's City Mall fall from 86 a week in 2008 to 2 a week this year. Central City Business Association manager Paul Lonsdale said the music had helped residents and retailers reclaim the mall. "It is much more pleasant now. People sit in that area now because they feel safer," Lonsdale told the Christchurch Press newspaper. Police backed the finding, with senior sergeant Gordon Spite telling the newspaper the music "created an environment that is conducive to good behaviour". Lonsdale said the best anti-crime music blended into the background and had no noticeable beat. He told Radio NZ the business association had considered playing Barry Manilow through the speakers when it began the programme 12 months ago but decided against it as it may drive customers away."

Musica donum Dei. Music is a gift of God. Yes and no. Maybe this generalization needs a demurral. Who would agree that Rap comes from heaven?

Famous and forgotten is in the end not unlike anonymous all the way. This applies not only to pop singers – but also to opera singers who sometimes enjoy only brief interlude in the sun.

Law can be lyrical, law can be poetic, law can be tuneful, but it can also be mathematics.

Progress is *not* listening to a pre-recorded telephone message with pretty background music and multiple options. Progress is speaking to a reasonably competent person on the other side of the telephone line. *That* is music to my ears.

Alfred de Zayas, OHCHR retired

Soirée Ex Tempore 23 January 2010

SHORT STORIES

NOUVELLES

NOVELAS

PRELUDES, INTERLUDES AND POSTLUDES

Cyril and Sarah only had eyes and hormones for each other. So much so that they were now celebrating the seventh day of their honeymoon. She liked to find for him all kinds of spoony pet-names, such as ‘Wiggly Wriggly Cyllly Rilly’. And he would respond with some improvised doggerel - which she lapped up – like

‘You’re my honeymoon by night
and my honeysun by day,
and my honeystick stirs its honeypot
in every possible way.’

“Oh darling, just think, my sweetie-meaty Vyril Cyril, if you can knock off verse off the cuff like that, what lovely poetry you could compose if you really put your mind to it!”

“Maybe one day I will, my love, and it’ll all be dedicated to my sweet little Sarah!”

Before switching off the lamp, they lay there listening to the bedside radio.

“Isn’t it divine!” she sighed.

“Divine!” he concurred.

“Who’s it by? Sounds like Schubert to me.”

He opted rather for Schumann. “We’ll wait till the end to hear what they say, then we’ll put out the light, okay?”

It lasted longer than expected. When the announcer finally came on with her “You have been listening to...”, they listened harder than ever. She provided the names of the soloists, the piece, the concert hall... Everything but the name of the composer.

Sarah was indignant. “Stupid bitch! One wonders how they choose their announcers these days!”

“Maybe she’s not so stupid, Sarah. She’s probably obliged to read out whatever copy they hand her.”

“Well, *somebody* is stupid! Now we’ll never know! *Was* it Schubert?”

“Let’s settle for Schubert.”

“Yes, but that quick passage with the arpeggios sounded more like Schumann.”

“So let’s say it was Schumann. Or that it was a joint effort.”

“Stop trying to be funny all the time! I mean who cares a hoot if it’s opus whatever in D minor when one doesn’t even know by whom?!”

“But we enjoyed it. Can’t we just let matters rest there?”

“Have you considered we might want to buy the recording as a ... souvenir?”

“That’s a point. I hadn’t thought of that.”

“Why don’t you phone the radio station?”

“What, at this time of night?”

“Well, there must be someone there, obviously!”

“How can I know which broadcasting station it was? They don’t give the wavelengths on these hotel radios. Come on, sweetheart. let’s put out the light and get a little closer...”

“Cyril, how can you expect me to be fully with you when a good half of me

is wondering who composed that blessed Prelude?!”

“Come on, Sarah, be reasonable! In less than no time, all that will seem so unimportant - Schumann, Schubert, Shoeshine...”

“When things are unimportant for you, they have to be unimportant for me! And when things are important for you... Will you ask the manager about those wavelengths tomorrow?”

“We’ll see.”

“*We’ll see!*” I know what *that* means!”

“But didn’t we have pleasure just listening; I mean...well, it was a sort of prelude to our foreplay...”

“Listen, Cyril. When I’m ill, I like to know what I’m suffering from. And when I have pleasure, I like to know who’s giving it to me. I need NAMES to know where I stand!”

“But darling, aren’t you being a bit... well, obsessive?”

“*Me*, obsessive?! What about *you*?!” Ever since we left, you’ve been on at me all the time to...”

“I was never on at you about anything! I merely asked, and you apparently agreed, that...”

Meanwhile, up in heaven, Franz Liszt, availing himself of his courtesy wavelength, was tuned in to those soundwaves from room 33 of the smartest hotel in Margate. He gave vent to a knowing chuckle in that suave, bittersweet Austro-Hungarian way of his. It was not so much pride of authorship that made him regret that the traffic could only be one-way: he would fain have dropped them a word of warning about the backlashes of romanticism. Fiddling with his time radio, he turned the knob slowly to ‘future’ and could soon hear the crash of crockery and the rows about who would keep the kids over the weekend.

David Walters, ONUG retired

Mi guitarra dejó de sonar

Tranquilamente sentado en la terraza que mira hacia el mar, con los recuerdos siempre vivos de su juventud, José o Pepe, como le decían sus amigos, retrocedía en los años de mocedad, la mirada perdida en el vacío azul de un cielo sin nubes, como aquel lejano día en que sin pensarlo dos veces se dijo: hoy iré con mi guitarra y le llevaré una serenata... le cantaré como nunca he cantado y le juraré amor eterno.

Sus padres y amigos le habían dicho que él llevaba la música por dentro pero también le habían dicho que ella era una fiera, que no se le aproximara. Su amigo Paco le había dicho que no temiera nada, que él podría conquistarla con su guitarra y su voz porque la “música calma a las fieras”.

Decididamente iría a ponerle una serenata y esa noche echaría su suerte, ella o ninguna otra porque si “la fiera” lo rechazaba él no pretendería a ninguna otra mujer. Su corazón y pensamiento le pertenecían a esa, de quien no sabía ni el nombre. La había visto varias tardes pasearse del brazo de su padre por el camellón y su mirada la seguía. Ella parecía no ignorarlo, pues siempre le correspondía con una mirada azul como el agua cristalina de un mar en calma, que lo hacía vibrar todo. Había dejado caer un pañuelo bordado con unas iniciales que debían ser la de su nombre “L.R“. Era todo lo que sabía de ella. Desde entonces la soñaba haciéndola suya, se imaginaba correspondido. Después de todo él era apuesto, no era pobre ni rico y había ya complacido a varias mujeres hasta enloquecerlas y por ello se había ganado la fama de “Pepe tenorio”. Siempre había conseguido del sexo femenino lo que se proponía pero esta vez era en serio.

Su corazón se había prendado de la desconocida y si la conquistaba sería para siempre. El mismo se desconocía pues nunca había tenido este sentimiento. Buscó su guitarra, la afinó y entonaba una tras otra melodías. Quería algo especial para ella, algo que le tocara el alma. Estaba muy nervioso, con una sensación extraña que le aceleraba el pulso y los latidos del corazón. Llamaría a sus dos íntimos amigos de farra para tomarse un par de aguardiente y que le dieran ánimo. Se reunieron y cuando ya se aproximaba la media noche para la serenata, no se animaba, le daría mucha vergüenza ser rechazado, sus amigos se burlarían de él, de él nunca le había fallado lo que se le metía en la cabeza con las mujeres. No... no iría, pero... y si ella abría su ventana y le sonreía, ya sería suficiente para declararle su amor. Sus

amigos lo animaron y finalmente lo animaron a ir.

Comenzó a templar su guitarra sevillana, las manos le temblaban. Por fin salió la primera nota y su voz de ensueño también comenzó a entonar las primeras sílabas que llenaban, poco a poco, el silencio de la noche. La primera luz de la mansión brilló, luego otra y otra. El padre, posiblemente la madre y otra chica que no era ella, asomadas a las ventanas le sonrieron. Su corazón se agitó de felicidad, pero... ella no salió y él no se atrevió a preguntar nada. Se despidió con un saludo de lejos y todos le seguían sonriendo.

Al día siguiente ella no salió a pasear por el camellón con su padre, él iba con otra, la misma que se asomó al balcón la noche anterior de la serenata. Lo saludaron y elogiaron sus dotes de cantante y de guitarrista. Por fin se animó a preguntar por la otra. Ah, contestó el padre, que su hija Lina Rosa había viajado por ese fin de semana a visitar a sus abuelos a la capital. Le presentó a su hermana, Isabel, soltera y quien acaba de llegar a pasar unos días. Esta le sonrió y le agradeció su gesto de bienvenida por la serenata, creyendo que era para ella. El no prestaba atención, pues acaba de saber el nombre de las iniciales, Lina Rosa, ensimismado y acariciando su nombre se despidió de mano y con una amplia y alegre sonrisa que dejó entrever su blanca y bien formada dentadura.

Más le hubiera valido no ir esa noche a la serenata. Ella no estaba pero al menos su padre fue amable con él. Cuando regresara iría con cualquier pretexto para verla y hablarle.

Fue ese fin de semana. No necesito de amigos ni de trago para animarse. Su corazón le dijo que fuera solo. Anunció la visita. Le abrió la reja del jardín, ella misma. Lo saludo y lo invitó a entrar y el trayecto a la entrada principal ella le dijo que fue muy amable en llevarle serenata a su hermana. Se miraron fijamente. El no pudo contenerse, quiso abrazarla, explicarle, pero su hermana apareció y lo besó en la mejilla. No tuvo tiempo de nada. La charla en familia fue sobre conocerse mutuamente, las tradiciones familiares, costumbres, etc. Todo bajo la inspiradora y suave melodía clásica en piano. Pepe se dio cuenta que querían retenerlo, pero no... él no podía aceptar la equivocación. Quiso aclarar que la serenata era para Lina Rosa. Todos quedaron sorprendidos. Finalmente y después de mucha aclaración y de contar todo su sufrimiento por ella y la forma como la seguía con la mirada cuando iba del brazo de su padre, aceptaron que fueran amigos por el momento. La suerte estaba echada.

Seis meses después contrajeron matrimonio en una pequeña capilla de Santa Marta y en la más estricta intimidad, puesto que tan solo asistieron los amigos y familiares más cercanos.

Un año más tarde les llegó su primer hijo varón y dos años después una niña. Ella murió en el parto. Ya los padres de él habían muerto también. Estos golpes tan fuertes y seguidos sumió a Pepe en la más absoluta mudez. Dejó de ser el mismo, se dedicó a la educación de sus hijos confiados a una nana pero él nunca se repuso.

Hoy, medio siglo después, perdida la mirada en el azul de aguas cristalinas, que le recuerdan el mirar de su amada, hace reminiscencia de los pocos años felices que tuvo a su lado. Nunca más se casó y solamente vivía de los recuerdos de los que nunca se quiso apartar.

Sus nietos los visitan todos los años para Navidad y él les cuenta historias inventadas siempre relacionadas con una princesa de ojos color cielo, que murió prematuramente dejando un príncipe triste, que todos los días se sienta frente al mar a contemplar el ir y venir de las olas, que en cada una de ellas dibuja la silueta de su amada.

Rosa Montoya de Cabrera, OHCHR retired

Cuento sin dueño

El reflejo de un pájaro una soleada tarde de domingo en un cristal. Y vuelve y se repite. Pero yo escribo de lo irreal porque esa verdad me ignora. Regularmente eso hago a cada rato. Me comparto de una manera distinta a la que escribo. Llevo tratos con la vida. Uno que otro no es muy bueno. Todos son interesantes. Pero ella sabe que no cuenta conmigo. Y me deja y la dejo. Tomo un papel y me hablo. Sé que le plagio todo lo que parece existir. Pero lo cambio y contesta. Así vamos imaginando capítulos que se borran de una historia paralela. Los latidos del corazón pasan. No te entretengas ni me tomes en serio. Nunca llego a ninguna parte. Lo digo antes del final para que mejor tomes un papel y te hables. Es probable que pasemos el rato. Y creo en los descansos. Alguien hará de estas palabras una vida. Pintará nubes y completará otro fracaso con tanta felicidad que será inmortal. Lee. Es tuyo por derecho. Toma cualquier parte y salta al infinito vacío. Como yo ahora. De la mano con el reflejo de un pájaro una tarde soleada de domingo en tu mirar. Y la música permanece con nosotros siempre callada.

La fuente llegó después de la masacre que no contó

Dormidos sin sueños. Llegamos a la fuente. Un lugar imposible en esta guerra. Un pueblo abandonado. Los restos de una masacre. Y ella intacta. Nos reflejamos en el agua. Imaginé fantasmas. Me encontré con otro y pensaba yo. Esperé la noche con sed. Y fuera de su sombra había frío. Me asomé a su infinito y sentí la envidia de las estrellas. Era de otra parte. Sabía mi historia. No ganó nadie. Ni querían ganar. Me mostró el mañana que es ayer. Todo reciente. El joven comandante ayudó al general anciano a ponerse de pie. En el suelo la sangre. Inventaron un olvido disfrazado de paz. Se quedó en este pueblo feliz porque la muerte no volvería jamás. Ni siquiera dejaron el dolor. Borraron la vida por un ideal que les robaron. Los títeres actuaron solos. Inventaron la alegría. Porque ahora pueden dormir con un sueño que los acompaña siempre. Todos escuchaban marimba. La música de muerte que vivió Guatemala.

Luis Alfredo Aguilar Contreras, UNSW/SENU

حكاية سفر القمر

Anouar Brahim est un enfant de Tunis, un virtuose de l'Oud, un luthiste de génie. Son expression souveraine nous distille une juste nostalgie tout en nous rappelant un passé inaccessible, mais néanmoins présent. Ses notes douces et sobres semblent couler d'une fontaine andalouse, là-bas où gît un passé chargé de senteurs et de souvenir. L'Oud dialogue avec le piano, flirte avec l'accordéon, s'écarte, se distingue, culmine puis rejoint ses deux compères dans une maîtrise céleste. Son avant dernier opus, *Le Voyage de Sahar* est à lui seul un voyage dans la beauté, tout en musique. "Sur le fleuve" ne précède pas seulement "Le Voyage de Sahar", mais coule dedans. "Cordoba" ajoute un moment d'émotion et de grâce : mystère du passé ? Fuite du présent ? "Les jardins de Ziryab" invitent à s'y réfugier, à s'y égarer. Le Calife abbasside, Al'Watheq, disait du chanteur Al'Mawsili qu'il agrandissait son royaume, chaque fois qu'il chantait. Anouar, lui, nous livre une interprétation lumineuse d'une musique intimiste qui suggère l'Andalousie arabe tout en insufflant un murmure d'un autre temps : le Temps splendide.

سفر القمر - Voyage de la lune, poème imprévisible comme une vague de bonheur, est venu forcer ma plume, seulement à l'écoute de ce chef-d'œuvre. Et comme l'eau qui coule d'un ruisseau andalou vers un infini partagé de silence et de nostalgie, la musique d'Anouar Ibrahim est venue ériger dans mon âme des espaces de nostalgie, de lumière et de temps perpétuel. Lui dédier ce poème qui décrit un des mille voyages de la lune va de soi.

Alex Caire, Union Postale Universelle

Histoire du Voyage de la lune – Tous droits réservés- Ahmed Hamouda –
Horus Editeur -2010

سفر القمر

يغرب عنى القمر مرارا ماضيا في سفره الغريب
وينحسر شعاع الأمس عل الغد يأتي بفجر جديد
ولم يزل قمرك باقيا
قرص من نور يضيء قلبي
الذي شيد لكى يا حبيبتي
رغم الرياح رغم السنين
رواقا أبديا من الياسمين

فكم من مرة مررت بهذا الروض
وكم من مرة أوقفنى هذا اللحن وذاك الرنين
كم من مرة تسرقتنى صوتك العنيد
يعصف بالهدوء من حولى
ويستقر فى نفسى كنبض جديد قديم

عشق ما برح يحفر أسمك
فى كل مكان
يبجر منه قلبى إليك

عشق يشق صاخبا
سكون الفجر
شاطرا سفر القمر الى نصفين
نصف يطير إليك فرحا كعصفور الصباح
ونصف ينزح مرتاعا إلى قلبي
كطفل يلوذ بحضن أبيه

Alex Caire, Union Postale Universelle

----
*Anouar Brahim / Oud - François Couturier / Piano -Jean-Louis Matinier /
Accordéon
Le Voyage de Sahar – *Anouar Brahim* - EMC Records GMBH – 2007

ПРАЗДНИК МУЗЫКИ

Этого молодого человека я увидела на празднике музыки. И его облик не просто привлек внимание, но поразил и отпечатался там, где хранятся зрительные образы, время от времени всплывающие в памяти.

В пятницу вечером мы шли с моей подругой Марчеллой по направлению к центру, закрытому по особому случаю для движения транспорта. Женеву было не узнать. На улицах полно народа. И народа необычного – не спешащего куда-то с озабоченным видом, а неспешно фланирующего и, что уж совсем странно, веселого, улыбающегося. Сам же город был отдан во власть музыки: в парке О-Вив розы послушно встряхивали головками в ритме духовых оркестров; платаны на эспланаде Сен-Антуан вздрагивали от ритмичного буханья барабанов очередной этногруппы; а статуи отцов реформации с ужасом взирали на красочную толпу, расположившуюся прямо у их ног в парке Бастионов послушать джаз.

В старом городе царила классическая музыка. Во дворике мэрии – одном из самых уютных уголков старой Женевы – мы с Марчеллой послушали порхающего, невесомого, как будто сотканного из воздуха, Моцарта. Потом для контраста отправились в собор Святого Петра, где, казалось, наперекор холодному и удивительно безликому интерьеру этого здания, звучал полный трагизма и страсти Бах.

Было прекрасное летнее послеобеденное время. Старый город становился все уютнее и обретал необычные для него романтические очертания. Отчасти это объяснялось тем, что он освещался уже не ярким, жгучим полуденным солнцем, которое порой заставляет все вокруг выглядеть беспощадно примитивным и убогим, а гораздо более доброжелательными послеполуденными лучами. Но главной причиной была, конечно, музыка. Благодаря ей все вокруг обретало какое-то новое очарование. Музыка проникала даже сквозь стены соборов, церквей, залов и наполняла непривычными звуками улицы, переулки и площади. Короче, сцена была подготовлена к появлению романтического героя. И он появился.

Уж не помню, кто первой увидел его: моя подруга или я. А может, мы увидели его одновременно.

- Посмотри туда. Видишь, вон там, молодой человек, - сказала Марчелла.
- Да, вижу.
- В белом.
- Да, да в белом.

На небольшой площади неподалеку от собора были выставлены около кафе столики. За одним из них сидела компания молодежи. Вот к этому столику и подходил тот самый молодой человек, так поразивший наше воображение. Чем? Всем. Одеждой, не совсем обычной для консервативной Женевы. На нем были белые льняные брюки и длинная льняная рубашка, небрежно расстегнутая на груди, с закатанными рукавами. Прической. Довольно длинными слегка вьющимися темно-каштановыми волосами. Лицом, привлекательным утонченной, однако не сусальной красотой. Жестами, очень естественными и в то же время удивительно изысканными.

Мы замерли на тротуаре, мешая прохожим.

- Это нечто, - первой опомнилась Марчелла, сошла с тротуара и направилась в сторону кафе.
- Ты куда? – я попыталась удержать ее.
- Хочу посмотреть поближе.
- Неудобно, ты что!

Мне, как и подруге, очень хотелось как следует рассмотреть заинтересовавшего нас красавца. Но в то же время было неловко стоять вот так, посреди площади, и пялиться на совершенно незнакомого человека.

- Ты как хочешь, а я не уйду отсюда, - более решительная Марчелла с вызовом посмотрела на меня.
- Ну, хорошо, пойдем вон в то кафе, - нашла я компромиссный вариант, указав на столики другого заведения, находившегося на той же площади.
- Давай, - согласилась Марчелла, - тем более мы со Стефанией договорились встретиться в это же время. Она с друзьями отправилась слушать какую-то бразильскую группу. Я сейчас позвоню и скажу, что мы будем ждать ее здесь.

Мы уселись так, чтобы объект нашего наблюдения был хорошо виден, заказали что-то попить, надели темные очки и принялись созерцать. Созерцали мы довольно долго. Наконец, я не выдержала. Переполнявшие меня эмоции требовали выхода.

- Ну, что скажешь?
- Рафаэль. Помнишь его автопортрет в образе Христа.
- Нет, не похож, - возразила я. Мне он больше напоминает баварского короля Людвига II.
- Людвига? Не знаю такого.
- Ну что ты! Он правил в Баварии в конце девятнадцатого века. Необыкновенно хорош собой. Его даже прозвали “сказочным королем”.
- Ах да... Вспомнила. Пожалуй, действительно похож.
- Похож, похож. Ну просто копия. Если бы ему надо было подбирать подпольную кличку, то лучше не придумашь. Людвиг, только не Баварский, а Женевский.
- Что значит подпольная кличка? - не поняла Марчелла.
- Мы так в советские времена шутили, когда надо было кому-то прозвище дать. Знаешь, у всех большевиков помимо настоящих имен были подпольные клички. Тот же Ленин, например, вовсе не Ленин, а Ульянов. Сталин - Джугашвили. А Ленин и Сталин – это имена, которые они получили, когда находились в подполье, скрываясь от полиции.
- Интересно. А я и не знала..., - моя итальянская приятельница Марчелла неплохо разбиралась в искусстве, но от политики была весьма далека.
- Ты знаешь, - не унималась я, - во всей этой ситуации есть что-то от нелегальщины. Чем мы здесь занимаемся? Следим за каким-то совершенно незнакомым нам человеком. Ну просто шпионские страсти.
- Пожалуй, скорее, романтические, - возразила Марчелла.

- Да бог с тобой, какие романтические. Он нам в сыновья годится. Скорее уж эстетические. Нам доставляет эстетическое наслаждение смотреть на него.
- Представляешь, как это со стороны выглядит, - рассмеялась я. - Сидят две немолодые тетки и глазают на молодого человека. Смешно. Скоро на пенсию, а мы все на мужиков заглядываемся.
- Ну, и что здесь смешного? Вот моя тетя в свои восемьдесят лет завела себе «il mio ragazzo»¹
- Послушай, эстетка, - прервала я Марчеллу, - вон там случайно не твоя дочь идет?
- Ну да, Стефания, - и Марчелла помахала дочери рукой.

Стефания увидела нас. Когда она шла через площадь, один из молодых людей, сидевший за столиком вместе с нашим Людвигом Женевским, увидев ее, встал, подошел к ней, заговорил, а потом они оба присоединились к той компании. У Марчеллы зазвонил мобильник.

- Хорошо, хорошо, я вижу. Мы тебя подождем, - ответила Марчелла, а, закончив, сказала, обращаясь уже ко мне. – Там какой-то приятель ее оказался. Может, узнаем от Стефании что-нибудь об этом нашем незнакомце. Интересно, он ей понравится? На ее месте, я тут же влюбилась бы. Ну, а раз нам влюбляться поздно, давай хоть коллекцию составлять.
- Какую коллекцию? – не поняла я.
- Красивых мужчин. Вернее, не красивых, а интересных. Первый экземпляр мы увидели год назад, зимой, в Лёкербаде. Помнишь, мы сидели в бассейне, и нам понравился один мужик с таким выразительным лицом?
- Помню.
- Я, кстати, потом узнала, кто это. Увидела фотографию в журнале и поняла. Не удивительно, что он привлек наше внимание. Это бывший государственный деятель. Очень известный. Его еще здесь некоторые называют “la resoga nera”.² Он ушел из политики и начал писать книги о злоупотреблениях в Швейцарии. Ты наверняка о них слышала: каждая наделала много шума. Но и врагов он себе нажил множество. Знаешь такого?

Марчелла назвала фамилию. Я вспомнила лицо этого мужчины – не красивое, но удивительно значительное – лицо человека, много передумавшего и, как мне стало ясно даже тогда, когда я еще не знала, кто он такой, – человека немало пережившего и перестрадавшего.

- А второй экземпляр мы увидели в прошлом году на выставке, – перебила мои воспоминания Марчелла. Он был совершенно в другом духе – латиноамериканский типаж, четкие, резкие черты лица, темные прямые волосы, энергия так и бьет через край. Помнишь?
- Конечно! Очень интересное лицо, особенно в профиль. Так и просится на барельеф.

¹ Дружок, возлюбленный – (ит.)

² Паршивая овца – (ит.)

- Вот видишь. А сегодня мы встретили удивительно красивого мужчину. На мой взгляд, у него просто идеальная внешность. Так что в нашей коллекции уже три экземпляра, - подытожила нашу беседу Марчелла.
- Маловато...
- А чего удивляться? Я, например, редко встречаю мужчин, чья внешность производит на меня впечатление.

Я вспомнила, как одно время в Москве ездила в метро и пыталась найти интересного мужчину. Вовсе не обязательно красивого. Просто он должен был понравиться мне. И за много лет ни одного не увидела. Бывали лица, привлекавшие мое внимание. Но присмотришься: человек одет неаккуратно или у него ботинки грязные, или идет сгорбившись, ноги волочит. И вообще все мужчины в московском метро казались какими-то неумытыми и невыспавшимися.

“Может это специфика советского времени, а сейчас все по-другому? - подумала я. – Хотя вряд ли, что-то изменилось. Наверняка теперь ухоженные мужчины не ездят в метро, а обзавелись собственными машинами”.

- Ой, посмотри, они уходят, - прервала мои размышления Марчелла. И действительно, группа за столом, где сидела Стефания, собралась уходить. И тут мы поняли, что это музыканты. У всех, в том числе и у нашего незнакомца, были футляры с инструментами. Нарушая все законы конспирации, Стефания подошла прямиком к нам и сообщила, что пойдет с друзьями, а не с нами. Марчелла попыталась узнать, куда они отправляются и когда ждать дочь домой, но Стефания едва слушала, нетерпеливо поглядывая в сторону ребят, поджидавших ее, а потом, бросив на прощанье - «Я тебе позвоню попозже», - развернулась и почти бегом направилась к ним.

- Да, вот так и строй планы. А говорила, что со мной вечер проведет, - с сожалением сказала Марчелла.
- Ну, что ты хочешь? Естественно, ей с ними интересней, чем с нами. Странно, если бы было наоборот. Слушай, а какая она красавица стала! Я ее давно не видела. Вроде, совсем еще девчонка была, а сейчас – девица на выданье. Сколько ей?
- Восемнадцать месяц назад исполнилось.
- Самое время влюбиться. У нее кто-то есть?
- Да ты знаешь, как ни удивительно, пока никого. По крайней мере, постоянного. Появляются время от времени какие-то ребята, но довольно быстро исчезают. По-моему, она их отшивает. Не нравится ей никто. Но это и неплохо. У нее сейчас последний год колледжа. Учебой надо заниматься, а не любовью.
- Слушай, не веди себя как “mamma chioccia”.³ Удивительно, как только речь заходит о его ребенке, даже умный человек начинает говорить глупости. Послушать тебя, так можно подумать, что ты в этом возрасте только об учебе и думала. Поехали лучше ко мне, поужинаем. У меня и вино есть хорошее. Надо же отметить встречу с идеальным мужским экземпляром. Позвони Стефании и скажи, чтобы она ко мне заехала. От меня и домой отправитесь.

---

³ Курица-наседка (ит.)

Марчелла так и сделала. Позвонила Стефании и договорилась с ней встретиться у меня, чтобы потом вместе поехать домой на машине. Жили они в соседней Франции, и в такой поздний час автобусы туда уже не ходили. Когда девушка пришла, было уже за полночь. Мы, тем не менее, не утерпели и сразу же накинулись на нее с вопросами: где, как и с кем она провела вечер. Но расспрашивать особенно не пришлось. Стефании самой не терпелось поделиться с нами впечатлениями. Все было прекрасно и так интересно! Они ходили в парк О-Вив. Там ребята сегодня выступали. А потом все вместе отправились ужинать в уютный ресторанчик, где можно было к тому же танцевать. И вообще она чудесно провела вечер, а завтра Людвиг пригласил ее пойти с ним на праздник.

- Подожди, подожди, - перебила ее Марчелла, - какой Людвиг? Твой знакомый? Это тот, кто к тебе на площади подошел?
- Да нет, тот Алан, мы с ним вместе в колледже учимся. А с Людвигом я только сегодня познакомилась. Он скрипач и вообще такой чудесный! Вы не представляете! Он тоже за столиком с Аланом сидел. Такой высокий, красивый и одет еще во все белое...

Наверное, наши с Марчеллой лица приняли такое изумленное выражение, что Стефания осеклась и с удивлением уставилась на нас.

- Вы что? Что я такого сказала?
- Его, ну этого в белом, что, правда Людвиг зовут? - с недоверием спросила Марчелла.
- Да... А что такого? Нормальное имя. Он же немец. Он из небольшого городка... Ой, я забыла, как он называется. Недалеко от границы со Швейцарией... Но это неважно. Он уже давно в Женеве живет: учился здесь в университете. У нас куча общих знакомых. Представляешь, мам, он меня пригласил в сентябре на «Жен Женева»⁴ к ним приехать погостить...
- Так, так, постой, какие гости? Вы только познакомились и вообще он намного старше тебя, - Марчелла все еще не могла прийти в себя от изумления, поэтому ее протест прозвучал как-то неуверенно.
- Не намного, всего на десять лет, ему двадцать восемь. А это идеальная разница в возрасте между мужчиной и женщиной. Ты так всегда говорила. Он – замечательный! Вот ты сама завтра увидишь. Я вас познакомлю, он вечером будет играть в парке Бастионов. Он всех приглашал...
- Ладно, ладно, посмотрим, поехали домой, ночь уже, - прервала ее Марчелла.

Мы договорились созвониться завтра с утра и, кинув на меня удивленный и в то же время несколько испуганный взгляд, Марчелла взяла все еще пытавшуюся что-то договорить Стефанию за руку и повела ее к выходу.

На следующий день в субботу в три часа, как мы и договаривались, я стояла на площади Бур де Фур. Марчелла пришла одна.

- А где Стефания?

---

⁴ «Jeûne Genevois» - праздник в Женеве, женеvский пост.

- С утра уже умчалась, - недовольно буркнула Марчелла. – Собиралась в Викторину холл⁵ прийти со своими новыми друзьями. Так что нам тоже пора .
- Не знаю, не знаю, я туда хожу, только если заезжая знаменитость выступает, - попыталась сопротивляться я.
- А, по-моему, их симфонический оркестр вполне приличный, - возразила моя подруга.
- Мне тоже все оркестры кажутся хорошими, до тех пор, пока я не приеду в Москву и не послушаю какой-нибудь наш оркестр. После этого я пару месяцев в Женеве не могу ни на какие концерты ходить.
- Я тебе, конечно, сочувствую, - сказала Марчелла, взглянув на часы, - но нечего отлынивать. Я же объяснила, что Стефания туда со своим новым приятелем придет. Обещала меня с ним познакомить. А этого Людвига ты первая заметила, значит из-за тебя все и началось...
- Во-первых, не уверена, кто его первой увидел, а во-вторых, при чем здесь это? – с недоумением спросила я.
- Как при чем? А кто накаркал вчера?
- Накаркал? Ты о чем? – все больше удивлялась я.
- Как о чем? А кто говорил, что на месте Стефании влюбилась бы в него? Сдается мне, что так оно и вышло. Уж очень она запорхала... Сегодня утром весь шкаф перетряхнула, пока выбрала, что надеть. А обычно напялит джинсы с майкой – и вперед.
- Это не я говорила, что влюбилась бы, а ты!
- А по-моему ты... Ну, неважно. Давай-ка теперь ворожи, чтобы этого не произошло! А то мне не нравится эта история. Все как-то неожиданно и ни к чему...
- А бывает ожидаемо да еще так, чтобы к чему? Особенно с точки зрения родителей?
- Ладно, посмотрела бы я на тебя, если бы это твоя дочь была. Пошли, а то на концерт опоздаем.

И Марчелла решительно направилась к концертному зданию. Я без особого энтузиазма пошла за ней. Мои худшие опасения оправдались. Исполнение было не на высоте. К тому же играли Шуберта, а этот композитор всегда оставлял меня равнодушной. Я не могла сосредоточиться, в голову лезли самые разные мысли, не относившиеся к музыке. Разглядывая людей, сидящих в зале, я задумалась: почему все они пришли сюда слушать музыку? И те, и другие – молодые и не очень, старые и совсем древние, – те, кого я видела на улицах и площадях города в дни праздника? Действительно, почему?

Наверное, причин много и они очень разные. Ну вот, например, сцена, увиденная мною сегодня. Два парня, кивнув друг другу на прощанье, расходятся в разные стороны, на ходу включая плееры и засовывая наушники в уши. Или вот еще: моя дочь едва садится за руль или входит в дом, тут же включает радио или проигрыватель. Что это? Любовь к музыке? По-моему нет. Страх остаться одному? Нежелание думать о чем-то? Боязнь своих

---

⁵ “Victoria Hall” – основной концертный зал Женевы.

мыслей? Или просто их отсутствие? Возможно, и то, и другое, и третье. И что-то еще, о чем я, человек другого поколения, и не подозреваю.

Конечно, собираясь послушать диск с любимой песней или с произведением классической музыки, вы, безусловно, рассчитываете получить удовольствие. И вы правы, предвкушая его. Недавно ученые доказали, что музыкальные волны воздействуют в мозге человека как раз на центры удовольствия.

А еще музыка – это возможность пережить эмоции. Не проживая ничего, просто слушая, можно испытать радость, печаль, удивление, раздражение – да мало ли какие ощущения вызывают ее звуки.

И последнее: музыка, возбуждая нервную систему, способствует творчеству. Мне известно о художниках и писателях, которые предпочитали творить под музыку. Именно тогда у них рождались интересные замыслы.

Да что там писатели... В советские времена я как-то прочитала в газете об экспериментаторе в одном колхозе, который доказывал, что удои коров намного возрастают, если в коровнике постоянно звучит музыка. Только не помню, какая музыка больше стимулировала животных: героическая или лирическая? Я представила коров, энергично жующих жвачку под «Героическую» симфонию Бетховена и чуть не рассмеялась.

Мои мысли о музыке были прерваны аплодисментами. “Слава богу, конец, можно уйти”, - подумала я. Покрутившись в фойе, но так и не найдя Стефанию, мы вышли на улицу.

После духоты концертного зала на улице дышалось легко, и мне захотелось прогуляться, а не возвращаться домой. Видимо, наши желания с Марчеллой совпали. Не сговариваясь, вместо того, чтобы идти к машине, мы пошли в противоположную сторону, к парку Бастионов. Оттуда раздавалась музыка. Там царил джаз. Вчера днем, когда мы здесь проходили, я еще подумала, что джаз как-то странно воспринимается в Женеве. И с пониманием взглянула на статую Кальвина, явно неодобрительно взирающую на джазистов. Но сейчас, в полумраке раскидистых деревьев, в обрамлении яркой толпы, заполнившей парк, напевы саксофонов звучали вполне органично. Даже мне, небольшой любительнице этой музыки, захотелось задержаться и послушать хотя бы несколько мелодий. На сцену беседки как раз выходила новая группа музыкантов.

- Ой, смотри, смотри, - Марчелла от возбуждения даже схватила меня за руку, - он.
- Кто он?
- Да Людвиг!

Действительно, в группе музыкантов со скрипкой в руке стоял наш женеvский идеальный мужчина.

- Да вижу, вижу, успокойся. А еще возмущаешься, что дочь влюбилась в этого парня.
- Вечно ты преувеличиваешь. С чего ты решила, что влюбилась!
- Ты же сама только что говорила!
- Мало ли что сгоряча померещилось. Видишь, ее и нет здесь, слава богу! Наверное, она просто была рада вчера оказаться в компании приятных ребят. А сегодня уже где-то с другими развлекается.
- А там кто сидит? Посмотри, как она на него смотрит. Слепому ясно – влюбилась!

Стефания сидела, как и большинство присутствующих, прямо на траве, неподалеку от эстрады. Увидев вышедшего на сцену Людвиг, она помахала ему рукой, а он улыбнулся ей в ответ. Стефания вся прямо засияла и с гордостью посмотрела вокруг: все ли видели, кому адресовалась улыбка. Тут она заметила нас, но едва кивнула, настолько была увлечена тем, что происходило на сцене. Мы сели рядом с ней, постелив прямо на траву мою весьма кстати пришедшуюся шаль. Отсюда мы прекрасно не только слышали, но и видели все происходившее на сцене. Группа сыграла несколько вещей, в том числе и “Осенние листья” Жозефа Косма. Как ни странно, но классический французский шансон прекрасно звучал в джазовой обработке, и скрипка здесь не просто была уместной, но и придавала вещи особое очарование. Я, пожалуй, впервые с удовольствием слушала джаз. Может быть, тому виной был прекрасный теплый вечер. К тому же, музыку я слушала в парке, где на траве и в самом деле лежали, пусть не осенние, а просто опавшие, умершие листья. Ну и, конечно, не последнюю роль в том, что этот джазовый вечер в парке Бастионов мне запомнился, сыграло присутствие Людвиг. Он прекрасно смотрелся на сцене. Его мимика, жесты – как он подносил скрипку к подбородку, как двигалась его рука со смычком, как он иногда встряхивал своими длинными темными волосами, как улыбался и кланялся – все это было необыкновенно артистично.

Когда выступление закончилось, Людвиг спустился со сцены, подошел к нам и поздоровался. Стефания его представила. Мы похвалили его игру. А потом разговорились: сначала о празднике, потом о музыке вообще. Людвиг оказался очень интересным собеседником. К тому же, он не только говорил сам, но и слушал вас. И ваше мнение, и вы сами были ему интересны. Во всяком случае, так казалось. И это очень подкупало. В этот вечер он уже больше не играл, а вот на следующий день, в воскресенье, должен был снова выступать в нескольких местах. Во время нашей короткой беседы Стефания буквально притоптывала на месте от нетерпения и строила матери страшные глаза. Не успели мы поблагодарить Людвиг за приглашение, как она заявила, что им пора, Алан и ребята давно уже ждут в кафе.

На следующий день утром позвонила Марчелла. Стефания приглашала нас прийти вечером в церковь Мадлен, чтобы поддержать Людвиг, который должен был там выступать в составе камерного оркестра.

«Почему нет? – подумала я. - Послушаем концерт, а заодно еще полюбуемся на нашего красавца. Совместим приятное с полезным».

И тут же сама себе задала вопрос: если лицезрение красивого лица явно занятие приятное, значит слушание музыки полезно? Нет, конечно, тоже просто приятно. Хотя как посмотреть... Ведь ты узнаешь что-то новое, допустим, новое для себя имя в музыке. Но можно ли все сводить к приятности и полезности? По сути я вновь вернулась к тому вопросу, на который попыталась ответить вчера, сидя в концертном зале. Почему сотни тысяч людей по всему миру слушают музыку? Если говорить не только о классической музыке, то миллионы, а вернее, миллиарды... Скорее всего, кроме глухих вообще нет и не было людей, которые бы не слушали музыку на протяжении своей жизни: будь то мерный ритм тамтама где-нибудь в Африке, пение ситара в Южной Азии, бряцание бубенцов где-нибудь на Севере или однообразное гудение альпийского рога в горной деревушке той же Швейцарии. Хотя, может быть, даже для тех, кто глух от рождения, звучат

какие-то свои, не слышные обычному уху мелодии? И вообще, что такое музыка? Звуки? Но тогда, все слышимое может восприниматься как музыка. Во всяком случае, в иные моменты жизни эти звуки вызывали у меня не меньше эмоций, чем те, что производят инструменты. Вот я лежу в объятиях мужчины, которого люблю, и слышу биение его сердца рядом со своим, разве это не музыка? Много бы я дала, чтобы еще раз ее услышать. А как потрясли меня усиленные современной аппаратурой звуки, исходившие из моего живота, когда я была всего лишь на третьем или четвертом месяце беременности. Это стучало – тук, тук – сердце ребенка. Еще не виденный мной ребенок (он или она – я не хотела знать заранее) посылал мне свое первое приветствие. Эта музыка до сих пор звучит в моих ушах.

Вечером я отправилась на концерт. Было воскресенье, последний день музыкального праздника. Церковь Мадлен была забита до отказа. Но Марчелла и Стефания пришли раньше и заняли места в самом первом ряду. Исполняли один из моих любимых концертов для флейты Вивальди. Честно говоря, на этот раз музыка меня мало тронула – хотя играли ребята неплохо. Я любовалась Стефанией. Уверена, она не слышала музыки. Вся ее энергия уходила не на то, чтобы слушать, а на то, чтобы смотреть. Как и тогда, на концерте джаза, она не сводила глаз с Людвига. Ее лицо лучилось от счастья. Обычно говорят: светилось. Но это ведь подразумевает, что свет распространяется повсюду. А из ее глаз исходили лучи, которые направляли свет лишь на одного молодого человека, стоявшего на сцене. Она и не пыталась скрывать, на кого. Как только отзвучали последние ноты, Стефания тут же упорхнула, крикнув на прощание, чтобы мать ее не ждала, так как они всей компанией идут отмечать окончание музыкального праздника.

Когда дочь ушла, Марчелла предложила зайти куда-нибудь посидеть. Ей явно хотелось поговорить со мной о Стефании.

Недалеко находилось кафе “Lyrique”⁶ – любимое место женеvских театралов и меломанов. Выбранное ими не в силу его каких-то особых достоинств, а просто потому, что находится в двух шагах от основных театров и концертных залов Женевы. Хотя, надо отдать ему должное, кормят там неплохо. В кафе в этот поздний час было почти пусто и почти тихо – идеальное место для двух женщин, настроенных на лирический лад.

- А ты со Стефанией разговаривала об этом Людвиге? – начала я разговор, ради которого мы явно пришли сюда.
- Да, сегодня утром, пока завтракали, - ответила моя подруга, выйдя, наконец, из состояния задумчивости, в котором пребывала весь вечер.
- Как она о нем отзывается?
- Да как она может о нем отзываться? Для нее он просто необыкновенный – и красивый, и добрый, и умный! Только встретились, а она уже, пожалуйста, идеал нашла.
- А кто-то не далее как вчера, увидев некоего молодого человека, заявил: нам повезло, мы нашли идеального мужчину. Дочь просто в мать пошла, - поддела я подругу.
- Это не я говорила, а ты! – возмущенно воскликнула Марчелла.
- Я такого сказать не могла!

---

⁶ Кафе недалеко от парка Бастионов.

- Я, что ли, могла! – возмутилась Марчелла. – Разве они бывают – идеальные мужчины?

Я даже испытала облегчение: не одна я так думаю. Дожив до солидного возраста, я поняла, как нелепо, более того, опасно заниматься поиском идеала. В молодости я, как и большинство моих сверстниц, во главу угла при поиске мужчины моей мечты ставила красивую наружность. Нашла. Но оказалось, одной внешности для счастья мало. Я решила сосредоточить свое внимание на мужчинах интеллектуальных. Наконец обнаружила после долгих поисков, как мне показалось, чрезвычайно умного. Это был тихий ужас. Он мне шагу ступить не давал: все-то я не так делала, не то говорила. Критиковал без конца. К тому же постоянно пытался меня наставлять и поучать. В общем, его занудству не было предела, и моей выдержки хватило лишь на полгода такой жизни. Я попыталась найти мужчину, у которого и внешность, и характер, и ум находились бы в гармонии. Тут и начались настоящие проблемы. С внешностью – еще не так сложно, тем более, что я до минимума снизила свои требования к ней. Но вот так, чтобы при этом в наличии были и ум, и характер, которые меня привлекают, – это оказалось невозможным.

- Конечно нет, - прервала я затянувшуюся паузу. – И вообще, что такое идеал? И есть ли универсальное представление об идеале – хотя бы в отношении внешности? Нет, даже в разные эпохи представления о красоте были различными. А уж про человеческие качества я и не говорю. Здесь все еще сложнее. Разве они могут быть едиными для всех? Каждый ищет нужное именно ему, и, вероятно, совершенно не нужное тебе или мне. Вот ты, например, что искала?
- Любви, нежности, заботливости, - мечтательно ответила Марчелла.
- Ну, и как – нашла?
- Нашла, как же! Dannazione!⁷ Любви – сколько хочешь, но только на словах. А на деле мой идеал сбежал, как только узнал, что я жду ребенка. Потом надеялась найти просто заботливость и хоть немного нежности. Нашла, как ни странно. Но вскоре выяснилось: точно так же он нежен и заботлив еще и в отношении своей жены, существование которой он довольно долго и умело от меня скрывал. С тех пор я отбросила всякие иллюзии и радуюсь, если встречаю мужчину, который свободен от обязательств и с которым я просто могу приятно провести время. Вот! Ты, наверное, меня осуждаешь за такой подход?
- С чего ты взяла? Вовсе нет!

Ответив так, я немного покривила душой. В молодости я действительно осуждала девушек, которые легко заводили романы. Потом даже стала им завидовать. Ведь таким девчонкам было достаточно симпатичной наружности или приятного характера, даже просто внимания к себе, чтобы полюбить. Если и не полюбить, то хотя бы просто закрутить необременительный романчик. И тогда я начала на себя злиться: тоже мне, привереда – подавай ей пятое, десятое... Наверное так и надо – ничего не

---

⁷ Черт побери! (ит).

ждать и ни на что не претендовать. Просто научиться радоваться, если кто-то есть рядом.

- Ну, конечно, желательно, чтобы при этом у него была приятная наружность и он был человеком со вкусом, - продолжала тем временем Марчелла. – Неплохо, если спортивен – люблю энергичных мужиков. Ну и, естественно, хорош в постели. А иначе зачем он мне?

«Как странно, – подумала я.- Мужчина, которого я по-настоящему любила, был неспортивен и не очень-то красив. И в постели – ничего особенного. Но, как ни удивительно, именно тот, кто отнюдь не был сексуальным гигантом, проявил себя в большей степени мужиком в жизни, чем все остальные. Он единственный оказался способным на действие, на принятие решения, на поступок. Возможно, все происходит в соответствии с законом сохранения энергии. Есть же какой-то закон в физике: если энергия убывает в одном месте, она неизбежно прибывает в другом. А может это было случайным совпадением? И на самом деле вообще стало больше мужчин, которые в постели порой проявляют чудеса, а в жизни полные импотенты, мало на что способные». Этими невеселыми мыслями я поделилась с Марчеллой.

- Тебя послушать, так уж и мужиков стоящих нынче не осталось. Может они в таком случае вообще не нужны? - удивилась Марчелла.
- Именно так я и решила. Наверное, поэтому живу одна. А для интеллектуальных услад завела несколько интересных подруг, вроде тебя, и прекрасно себя чувствую.
- Послушай, уже двенадцать часов, - прервала меня Марчелла, - Пора по домам. А то завтра рано на работу.
- Хорошо. Только вот что: давай-ка выпьем напоследок за то, чтобы твоей дочери в отличие от нас повезло.
- Давай! - с энтузиазмом поддержала меня Марчелла. – А вдруг все-таки он существует, этот идеальный мужчина? Чем черт не шутит!

Мы с Марчеллой вышли на улицу. Был поздний вечер. Все выступления закончились. Странно было идти по примолкшим улицам, которые несколько дней подряд были наполнены музыкой. Казалось, городу, так же как и расхोлившимся с концертов людям, не хотелось расставаться с праздником. И они, словно сговорившись, решили напоследок исполнить некую импровизацию под названием «Звуки в ночи». Старинные улицы были наполнены звуками шагов, голосов, смеха, гулко отскакивавшими от мощных камней тротуаров, ударявшимися о стены домов, а потом эхом отзывавшимися где-то там, на самой верхней точке старого города – в башнях собора Святого Петра.

Следующие несколько недель, встречаясь на работе с Марчеллой, я каждый раз выслушивала новые сообщения о развитии романа Стефании и Людвиге. Вернее, не романа, а прелюдии к нему. Во всяком случае, ни у меня, ни у Марчеллы не вызывало никакого сомнения – их отношения развиваются стремительно. Молодые люди виделись чуть ли не каждый день и постоянно перезванивались. Марчелла рассказывала, что Стефания влюбилась не на шутку, забросила учебники и если не висит на телефоне,

рассказывая очередной подружке, какой удивительный ее Людвиг, то лежит на диване и слушает записи классической музыки, которые приносит ее друг.

- Уж быстрее бы он кончил заниматься с ней музыкой и занялся бы любовью! – как-то вдруг заявила моя подруга. – А то моя девица скоро совсем растает от любви. Похудела страшно, вся одежда болтается.
- Неужели у них все еще период ухаживания? – удивилась я. – Сколько они знакомы? Вроде бы уже пару месяцев?
- Скоро три. И чего он тянет, не пойму. Если не нравится она ему, зачем встречается? Ведь никто ему не навязывается, он сам регулярно звонит, даже подарки ей какие-то делает. Пустички, но со вкусом и с душой. Недавно вот сережки подарил. Стефания рассказывала: посмотрел как-то на ее глаза, сказал, что они удивительного желто-коричневого цвета, как у тигренка, и следующий раз при встрече преподнес ей сережки из тигрового глаза, камень есть такой. Причем сам сделал для них оправу. Он еще, оказывается, и ювелирным делом увлекается. Мастерит понемногу безделушки. Здорово! Правда же?
- Да, талантливый парень. Слушай, а чем он на жизнь зарабатывает, не музыкой же?
- Конечно нет, здесь тоже все в порядке. Он вообще-то в банке работает. Причем, не в каком-нибудь там, а в Пиктэ.⁸
- А Стефания от тебя ничего не скрывает? Может, они уже давно спят, а ты все считаешь, что у них период ухаживаний затянулся?
- Да нет. Она знает, я в этом плане вполне современная мать и нормально бы отнеслась к тому, что моя дочь и до свадьбы занималась любовью с мужчиной. Ты, наверное, судишь об итальянках по старым книгам или фильмам, в которых нас изображают какими-то психопатками. Боже упаси, если девушка узнала, что такое секс до свадьбы! Она обесчещена! Сейчас такое если и встретишь, то где-то лишь в глухой провинции.
- И все-таки не каждая дочь стремится об этом матери докладывать...
- Ты права, наверное. Но у них точно ничего нет. Стефания как раз и переживает... Говорит, он очень ласков с ней, внимателен, даже нежен. Но не более того. Даже ни разу не поцеловал. Вернее, целовал... Но так, как все мы целуемся, когда встречаемся и прощаемся.
- Да, очень несовременно. Он и впрямь, как будто из другой эпохи.
- Ты знаешь, очень мне неспокойно, боязно за Стефанию, уж чересчур сильно она в него влюбилась. Чует мое сердце, плохо все это кончится.
- Да ладно тебе, разохалась, на тебя не похоже. Я уверена, все образуется.

Но ничего не образовалось. Хуже того, все кончилось очень внезапно и самым неприятным образом. Людвиг исчез. Сказал Стефании, что уезжает по делам в Италию. Более того, предложил поехать с ним. Но девушка не смогла, у нее начались занятия в университете. Людвиг уехал, пообещав

---

⁸ Банк "Pictet" - один из старейших частных банков Швейцарии.

вернуться через несколько дней. И не вернулся. Даже не позвонил. Когда Стефания, обеспокоенная его молчанием, сама позвонила ему домой, никто к телефону не подошел. Выждав еще несколько дней, девушка позвонила по его рабочему телефону. Вежливый голос ответил: Людвиг в банке больше не работает. Стефания ходила к нему домой. Звонок в дверь отзывался пустотой. Стефания стала обзванивать общих друзей. И узнала, что с Людвигом все в порядке, просто он решил остаться на некоторое время в Италии, пожить там.

Стефания довольно спокойно отнеслась к происшедшему. Во всяком случае, так показалось Марчелле, очень переживавшей за дочь. Стефания не устраивала истерик, не рыдала, она просто раз и навсегда отказалась обсуждать с матерью происшедшее и вообще говорить о Людвиге. Моя подруга постепенно успокоилась, решив, что дочь по молодости лет сможет быстро забыть свое увлечение. Но я понимала: отсутствие бурных сцен и слез еще ничего не означает. Порой такой вот уход в себя должен гораздо больше настораживать. Знала я об этом не понаслышке, а из очень печального опыта, пережитого со своей дочерью, также прошедшей испытание первой неудачной любовью. И, к сожалению, на этот раз я оказалась права.

Стефания становилась все более замкнутой и молчаливой. Каждый вечер, вернувшись с работы, Марчелла заставляла ее дома лежащей на кровати в темноте. Она забросила учебу в университете, перестала ходить на занятия. Так продолжалось с месяц. Ничто не помогало: ни уговоры, ни разговоры по душам. Девушка вбила себе в голову, что раз Людвиг вот так, ничего не объяснив, от нее сбежал, то, очевидно, она не достойна даже уважения. А уж о любви и говорить нечего. Никогда и никто не полюбит ее. Она ничего собой не представляет. Ничтожество. И все тут. Марчелла обратилась к психиатру. Как я и ожидала, диагноз был однозначен: депрессия. Марчелла была в ужасе.

К счастью, Стефанию вывели из депрессии довольно быстро – всего за четыре месяца. Ей даже не пришлось повторять год учебы в университете, она смогла быстро догнать сокурсников и весной уже сдала все экзамены, пропущенные из-за болезни. Когда я приходила к ним по вечерам, мне навстречу выходила девушка, очень похожая на прежнюю Стефанию. Но было очевидно, что болезнь не прошла даром. Стефания повзрослела. Не так, правильно и постепенно, как полагается взрослеть, а очень резко и от этого неестественно. Исчезли прежняя непосредственность и открытость, а на их место пришли скептицизм, рассудительность, сдержанность, даже какая-то холодность.

Прошло чуть больше года. Моя швейцарская приятельница – Моника - пригласила меня на музыкальный вечер. Это было давней традицией семьи, начатой еще ее дедом. Один сын Моники играл на флейте, другой – на виолончели, а сама она была не только отличной пианисткой, но и обладательницей очень неплохого колоратурного сопрано. Я нередко бывала на домашних концертах, которые она устраивала в своем большом старинном доме, находившемся в Жанто – весьма аристократическом пригороде Женевы. На сей раз вечер устраивался с размахом - внутри просторного двора, где я обычно парковалась, мест не оказалось. Пришлось оставить машину на площади около ресторана с гордым названием “Chateau de

Genthod”⁹, устроенного в помещении старинного замка, а вернее в том, что от него осталось. Когда я вошла в парадную гостиную, концерт уже начался. Каково же было мое удивление, когда среди участников квартета, помимо Моника и ее сыновей, я увидела... Людвига. Весь концерт я размышляла, подойти к нему или нет? А потом решила – ни к чему. Он вряд ли даже вспомнит меня. Да и что я ему скажу? О чем спрошу?

Когда концерт окончился, гости и участники концерта были приглашены на чай в столовую. До начала чая я захотела взглянуть на последнее приобретение мужа моей приятельницы – большого любителя живописи. Моника была занята с гостями и предложила мне самой сходить в кабинет, где висела картина старого голландского мастера. Увидев, что я колеблюсь – мне казалось неудобным идти одной – Моника обратилась к высокой сухопарой и довольно чопорной на вид женщине, стоявшей рядом с ней.

- Анна, ты ведь тоже еще не видела картину, сходите вместе.

А потом пояснила мне:

- Анна – моя кузина, вы знакомы?

Я вспомнила, что нас действительно как-то представили друг другу, и утвердительно закивала головой.

- Пойдемте, - сказала Анна, видя, что я все еще в нерешительности стою на месте, и направилась к выходу из зала.

Я отправилась за ней. Пройдя в самый дальний конец дома, Анна подошла к одной из дверей и сказала, открывая ее.

- Я видела это их очередное приобретение. Просто ничего не сказала Монике, так как картина мне не понравилась. Темная, мрачная. Не понимаю, за что было такие деньги платить. Да вы сами посмотрите.

Она вошла в комнату, и я за ней. Но мне не удалось полюбоваться полотном голландского художника. Зато мы застыли перед картиной совсем другого типа. Прямо посреди кабинета стояла обнимающаяся пара. Даже со спины я сразу узнала Людвига и, помню, еще успела подумать: “Интересно, кому же это так повезло?” В этот момент, видимо, услышав, что кто-то вошел в комнату, целующаяся пара разжала объятия, и я узнала – кому. Оказалось, старшему сыну Моника – Стефану. Ничуть не смутившись нашим присутствием, молодые люди весело переглянулись, взяли за руки и вышли из комнаты. Я с удивлением взглянула на свою спутницу.

- А, вы не знали..., - Анна была явно смущена.

- Нет, Моника мне ничего не говорила.

- Это кошмар какой-то. Все случилось около года назад. Стефан поехал с друзьями в Италию. Сказал - отдохнуть. А, оказывается, они отправились на какую-то демонстрацию. Там он и встретился с этим своим Людвигом. Я даже название города запомнила, где это произошло. Бари. Стефан в этом году опять туда ездил, у него там друзья появились.

- А, Бари... Все понятно. Это была не демонстрация, а гей-парад. Его устраивала “Arcigay” - перебила я Анну и тут же пожалела, что сделала это.

---

⁹ “Замок Жанто” (фр.)

- А что это такое “Arcigay”? - тут же спросила моя собеседница.
- Ну, это крупнейшая в Италии национальная организация, защищающая права гомосексуалистов. В прошлом году они как раз и проводили парад в Бари, об этом в газетах много писали. Главе организации пришлось скрываться, а потом просить помощи у полиции, так как с ним пытались расправиться экстремисты.
- Неужели?
- Почему вас это удивляет? Вы знаете, как католическая церковь до сих пор относится к гомосексуализму. А ее влияние на умы людей в Италии до сих пор огромно.
- Да, да, я знаю... Ну, теперь все понятно. То-то Стефан говорил, что их знакомство было романтическим, они вместе где-то прятались...
- Да, там молодчики фашистского толка устроили буквально охоту на участников парада.
- Какой кошмар! Наш Стефан на каком-то жутком гей-параде. Скрывается со всякими подозрительными личностями... Слава богу, Моника об этом не знает. В общем, с тех пор они вместе. Оказывается Стефан и раньше уже понимал... Ну, что его девушки не интересуют. А тут – такая встреча. Он заявил - это судьба...
- Действительно... Надо же было им там оказаться, чтобы встретиться. Ведь оба из Женевы...
- И хоть бы не афишировали так свои отношения, что ли... Сначала Стефан скрывал все это. Дуэт у них, видите ли – скрипка и флейта, - а теперь уже ничего не стыдится. На днях объявили, что будут жить вместе. Моника страшно переживает, а уж о ее муже, о Кристиане, я и не говорю. Он с тех пор, как узнал, отказывается со Стефаном разговаривать.
- Но это глупо, - не могла сдержаться я. – Это же не его вина. Это природа. Тут ничего не поделаешь.
- Знаете, теперь всё на природу валят. А, по-моему, это распушенность и больше ничего. Молодежи нынче лишь бы все делать не как надо, а как им заблагорассудится. И вообще – море по колено. Не знаю, чего Стефан себе думает, ведь ему придется еще и содержать своего приятеля.
- Почему?
- Да он в банке работал, на хорошем месте, все как положено. Но когда узнали, что он..., - Анна замаялась.
- Нетрадиционной сексуальной ориентации. Это, как теперь принято говорить, “политически правильная” формулировка, - подсказала я ей.
- Ну, да. Так его из банка уволили.
- Странно, - удивилась я. – Мне казалось, что в Женеве к таким вещам гораздо более терпимо относятся.

Вернувшись домой, я тут же позвонила Марчелле и зазвала ее поужинать на следующий день, заявив, что у меня есть для нее потрясающая новость. После того как мы поели, и был разлит по чашкам наш любимый японский зеленый чай, я спросила.

- Как Стефания?

- Неплохо. По-моему учеба в университете помогает ей окончательно прийти в себя. Там такие нагрузки, не до страданий...
- А знаешь, кого я вчера встретила? Ни за что не догадаешься! Людвиг, того самого!
- Какого? – с изумлением спросила Марчелла.
- Какого, какого... Последний экземпляр из нашей коллекции. Только наш идеальный мужчина вовсе не мужчина. Вернее, конечно, мужчина, даже, возможно, идеальный, но не для женщины.
- Неужели гомик?
- Да.
- Откуда ты знаешь? – все еще с недоверием спросила Марчелла.

Пришлось рассказать ей историю вчерашнего музыкального вечера.

- Ах, вот оно в чем дело, вот почему он тогда исчез, - с горечью сказала Марчелла. – Отправился в Италию, встретил там этого парня. И “addio!”¹⁰, Стефания. “Vigliaco!”¹¹, - когда моя подруга нервничала или сердилась, то начинала пересыпать свою речь итальянскими словечками.
- Не злись, пожалуйста...
- Я радоваться должна?
- Конечно!
- Почему это? Даже не знаю, рассказывать Стефании об этом или нет?
- Конечно! Ей станет легче.

Я принялась убеждать Марчеллу: она непременно должна все рассказать дочери. Ведь Стефания мучилась, так как не могла понять, почему у них с молодым человеком ничего не вышло, отчего он ее так неожиданно бросил. И вбила себе в голову, что проблема в ней. А теперь ясно: все дело в нем. Возможно, от этого открытия ей будет легче.

Подумав, Марчелла согласилась со мной.

- Непонятно только, зачем он Стефании голову морочил?
- Он мог не видеть, что она в него влюблена. Он к ней относился как к другу и думал, она к нему так же относится. А потом он тогда, может быть, не до конца был уверен в своих склонностях или наклонностях, не знаю, как лучше выразиться, - попыталась я объяснить ситуацию.
- Ну конечно, - прервала меня Стефания, - и в Бари он попал случайно!
- Хорошо, хорошо, вот тебе еще два варианта ответа. Вариант первый: он все знал, но не хотел, чтобы другие об этом знали, и предпочитал появляться в обществе с девушками.
- Тем более негодай! – не унималась Марчелла.
- И еще один вариант. Он искренне пытался полюбить Стефанию, надеясь переломить себя.

---

¹⁰ Прощай – (ит.)

¹¹ Негодяй! – (ит.)

- Я смотрю, ты у нас прямо специалист – гомосексолог, или что-то в этом роде. И вообще ты им явно симпатизируешь, - не с осуждением, но с недоумением сказала Марчелла

Я не стала спорить с Марчеллой. Я просто рассказала ей об одном своем хорошем знакомом. Ему было уже под сорок. Очень интересный мужчина, атлетического сложения, без всякого намека на женственность. Когда он появился в институте, где я работала, все незамужние девушки сделали стойку, как охотничьи собаки, почуявшие дичь. Он встречался сначала с одной, потом с другой, с третьей. Делал он это так, как будто выполнял какое-то взятое на себя обязательство. Достаточно было посмотреть, с каким лицом он отправлялся на очередное свидание. Ничем эти встречи не кончались. Через год всем все уже было ясно. Кроме него. Это был самый несчастливый человек из всех, кого я в то время знала. Его, бедного, просто корежило оттого, что никак не хотел подчиниться заложенному в него природой. Он ужасно оскорбился, когда его ближайший друг попробовал поговорить с ним и посоветовал встретиться вовсе не с девушкой. Именно знакомство с этим мужчиной заставило меня в корне переменить отношение к таким людям. Я поняла, что гомосексуализм – чаще всего не прихоть, не извращение, как нам вбивали с детства в головы в советскую эпоху, а властный зов природы, к которому следует относиться с пониманием и сочувствием, а не огульно осуждать.

- Ну ладно, ты права, я все расскажу Стефании. Может, она действительно будет воспринимать эту историю не как трагедию, а скорее как курьез, - сказала Марчелла уже более примирительным тоном.- Может быть, когда-нибудь мы даже посмеемся над тем, как он променял Стефанию на Стефана.
- Да, в этой истории есть вещи занятные и даже странные. О совпадении имен я уже и не говорю. Но вот еще что интересно: оба наши Людвиг – «голубые».
- «Голубой»? Это еще что такое?
- Те же “gays”, как вы говорите. А у нас в России раньше чаще предпочитали говорить “голубой”, “голубые”. Кстати, это не мы придумали, а вы тут на Западе. Я как-то посмотрела в словаре. “Голубой” пошло от английского выражения “blue ribbon”, это означало “пассивный гомосексуалист”.

В это время у Марчеллы зазвонил мобильник. И пока подруга разговаривала с кем-то по телефону, я вспоминала то, что читала о Людвиге II. Этот баварский король тоже принадлежал, как утверждают, к тем мужчинам, которые могут восхищаться женщинами чисто платонически. Кстати, именно такие чувства Людвиг питал к своей кузине, ставшей австрийской императрицей и вошедшей в историю под несколько странным именем Сисси. Бедный Людвиг Баварский! Его объявили сумасшедшим. Он жил слишком поздно и одновременно слишком рано. Родись он в восемнадцатом, а тем более в семнадцатом веке, он мог бы строить свои замки, принимать там боготворимого им Вагнера и отдавать в любви предпочтение тому, кому заблагорассудится, не вызывая ничьих нареканий – в те времена общественное мнение не решалось в открытую порицать монархов. А если бы он жил в двадцатом веке, то его гомосексуализм не воспринимался бы как нечто противоестественное.

И тут мне в голову пришла странная мысль: а, может, он и жил в двадцатом веке? И продолжает жить в двадцать первом. А если Людвиг Баварский и наш Людвиг Женевский – одно и то же лицо? Меня даже в жар бросило от этой догадки. Ведь в нашей истории есть вещи не просто странные, но мистические. Совпадение имен. Это, пожалуй, даже перебор. Имена могли быть и разные. Но внешность... Любовь к музыке... Нетрадиционная сексуальная ориентация... Невольно поверишь в теорию о том, что люди живут не один раз. Кто знает, может этот наш Людвиг и тот, Баварский – один и тот же человек? Просто проживающий очередную жизнь в иную эпоху и в ином облики.

Марчелла закончила разговор и посмотрела на меня, видимо вспоминая, на чем мы остановились. Очевидно, не вспомнила, так как вдруг сказала без связи с ходом предыдущей беседы.

- Слушай, давай теперь искать мужественные лица. Для нашей коллекции. Все-таки в нашем Людвиге было мало мужественности. Поэтому из него и не вышел идеальный мужчина.
- Ну, такую внешность ты, конечно, найдешь. Но это еще не означает идеала. Идеал – это не просто мужественная внешность. А человек, обладающий мужеством.
- Ты, конечно, права. Но я уже и забыла, что бывают мужчины, обладающие мужественным характером.
- Да, найти такого – это уже задача посложнее. Мне, во всяком случае, такие не встречались. А ведь изначально подразумевалось, что мужчина должен быть мужественным.
- Почему? – удивилась Марчелла.
- А на русском языке “мужчина” и “мужество” – однокоренные слова. Поэтому, наверное, нам, русским, об этом забыть трудно.
- Интересно. А в итальянском, во французском, да и в английском этого нет. Странно. Может у вас, у русских, мужчины раньше были более мужественными? А сейчас как?
- Да так же, как и везде. Таких мужчин днем с огнем искать нужно.
- Я думаю, уже и не найдем... Давай лучше музыку послушаем, - грустно завершила наш разговор Марчелла.
- Классику? Самое подходящее сейчас – балет “Лебединое озеро” Чайковского, - грустно пошутила я.
- Почему? – не поняла Марчелла.

Пришлось объяснить ей, что Чайковский тоже, если верить молве, был голубым. И почему-то одна из мелодий его балета – танец маленьких лебедей – считалась в советские времена чем-то вроде гимна “голубых”. И тут я заметила еще одно совпадение, имевшее самое непосредственное отношение к нашей истории. Чайковский побывал в самом романтическом из замков, построенных Людвигом II в Баварии – в замке Нойшванштайн¹². И, как считают, именно там у него возникла идея написать «Лебединое озеро», а потом уже на эту музыку был поставлен балет. Из окон замка видно озеро, которое именно так и называется – “Лебединое”. Да и в самом замке одним из главных элементов украшения являются многочисленные лебеди – изваянные из мрамора, вырезанные из дерева, отлитые из бронзы.

---

¹² Дословно: “Новый лебединый замок”.

- Это, конечно, прекрасно, но чего-то мне классики не хочется, - выслушав, заявила Марчелла. У меня теперь аллергия на нее. Как только слышу классическую музыку, вспоминаю эту историю.

Мы решили послушать новые записи Патрисии Каас. Я очень люблю эту певицу. Тоненькая, хрупкая женщина, излучающая в то же время удивительную силу. Наверное, отражением этой внутренней сути и является ее необычно звучный, немного даже мужской голос.

Если бы я специально подбирала музыку для этого вечера, то вряд ли купила бы что-то более актуальное. На диске, купленном мной недавно, оказался последний хит Патрисии Каас под очень символическим названием “Où sont les hommes?”¹³

Вслушиваясь в слова песни, я удивлялась тому, насколько точно певица смогла озвучить наши с Марчеллой мысли. И не только наши. Но тысяч и тысяч других женщин, таких же, как мы. Отчаявшихся найти в мужчине то, что, по сути, и должно отличать его от нас. Мужество.

А сильный, чуть с хрипотцой голос вопрошал все более и более настойчиво: куда же исчезли настоящие мужчины?

Natalia Beglova, UNOG

---

¹³ «Где же мужчины?»

Poèmes

Poems

Poemas

Un Violon

Fils d'or d'un violon
vibrant de la poussée
d'un archet conquérant
sous l'action de son chant.

Notes qui se succèdent
Par leur voix de velours,
si dociles, si vraies
et riches de douceur ...

Décidé à donner
une grâce nouvelle
aux phrases d'où s'éveille
un bonheur sous-jacent,
le soliste bientôt
exalte la joie pure
qui l'inspire à présent
et que rien ne ternit.

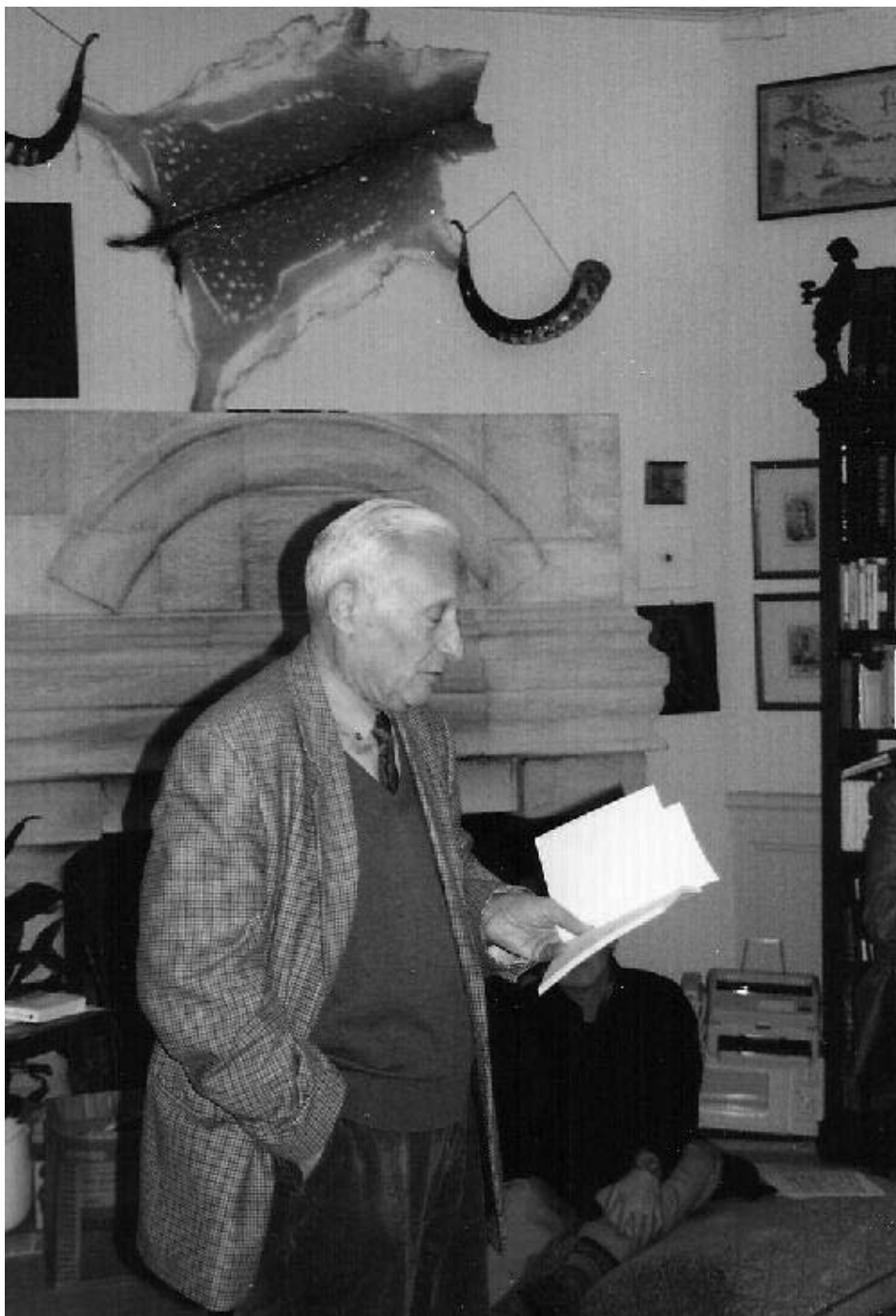
Les Cuivres

Cuivres étincelants
chantent avec vigueur
un grand bonheur de vivre
sans vraiment se mêler
aux autres instruments,
obstinés et confiant
dans leur force vitale,
s'intégrant à l'orchestre
pour imposer la loi
qui veut que leur puissance
souligne à tout instant
leur rôle ineffaçable ...

Ce Piano

Mais ce piano
aux touches d'ivoire
dont un soliste
active le chant,
ne cesse de hausser sa voix
qui maintenant dicte,
à l'orchestre entier,
cette mélodie

gagnant tout l'ensemble
des cordes et bois
et même des cuivres,
pour le bonheur sans nom
d'un public en extase.

© Roger Prevel, UN retired

IL TOMBA DANS LA FOSSE D'ORCHESTRE

Il gonfla d'aise et de contentement
Sous les applaudissements
D'auditeurs clairsemés
Mélomanes éclairés
Par la lumière ambiante

S'étant trop approché
Du rebord de la scène
Il perdit l'équilibre
Et tomba
Dans la fosse d'orchestre
Entre deux tubas

On raconte que depuis
Il ne se produisit
Plus jamais en ces lieux
De culture et qu'au jeu
De hasard il perdit
Jusqu'à ce que la mer le prît
Entre ses bras

PIANO BAR

Le piano délire
Jeune fille tu soupères
Accoudée au bar

Fumée douce-amère
Cigares allumés
Bouches pâteuses
On drague
On cause

Un verre se brise
Personne n'a rien vu
Il fait sombre ici

Pianiste blasé
Tes silences m'inspirent
Je m'endors dans les volutes
Bleutées

Le barman a triste mine
Cette femme aux gros seins
Ma voisine
N'a d'yeux que pour lui.

Jacques Herman, UNSW/SENU

MUSIQUE DE ROSEAUX

Tout en elles
Est musique de roseaux

Sur l'écran bleu du ciel
D'un index encre de rouge
J'écris leur partition

Elles chantent l'âme à nu
Leurs vérités intimes
Leurs chaudes profondeurs
Comme des oiseaux

Et nous feignons de croire
Que nous avons tout vu
Tout entendu
Nous jouons la carte
De l'indifférence

Et quand nous les avons perdues
A l'horizon de nos vanités
Nous les pleurons en silence.

Jacques Herman et Aline Dedeyan, UNSW/SENU

... soyeuse comme
ta peau dans
mes rêves
    secrets
    douceur
    tendresse
aux parfums
    de volupté
mes mains
    dansent
    au sourire narquois
de tes cuisses

ma tête flotte
aux sommets
    sauvages
    scintillants
    de l'amour
sans que nul
    ne sache
d'où me vient
    la force
quelle est la source
de cette apesanteur

    depuis le temps
que la mort
rôle, tourne autour
    de moi
je suis las
de moi-même
    le courage
me fait défaut
au moment opportun
    lorsque justement
j'en ai le plus grand
    ...besoin

**cruelle comme la vie
dissolue comme l'amour
douce comme la mort
qui m'étreint
voilée de brume
comme tes yeux
rêveurs
rieurs
mes enfants
si près, si loins
de mon cœur**

**tout feu
tout flamme
lugubre, pathétique
pétillante, enjouée
mon âme
la musique**

Antony Hequet, UNSW/SENU, at an Ex Tempore garden party,

GENÈVE LA NUIT

Au milieu de la nuit, l'été,
Les néons submergent les parcs
Et les oiseaux se croient à l'aube,
Vocalisant à plein gosier.

Etrange image intervertie
De paysage en négatif.
Singulier film au ralenti
Ornementé de rares bruits.

Ce que le jour avait caché
Revient en force au premier plan.
La rue est blanche sous la lune,
Les pas sont notes sur les dalles.

Rescapés des prisons diurnes,
Des sons amplifiés s'élancent
Au rendez-vous de leurs échos.
Et de loin accourt sur la rade,
A la crête des clapotis,
Un cri térébrant de mouette.

Luce Péclard, UNSW/SENU

The silent drummer

Young men sing it with a rage
they fear their lives won't last too long
now's the time to move along...
Sometime I too suffer this disease
future shock, hit me with a rock
but I know there is no future
for I am the silent drummer
this endless time of instant memory
which plays softly within me
sometimes in simple sorrow
the murmur of the creek
roar of the shadows
in a New York City street
rage and bloody teeth
disbanding governments
burning borders in delight
playing the war drums
of Asia and Africa
Paris and Philadelphia
Philharmonic orchestra
escaping only
very narrowly
total destruction
to sing the songs of time
with no end and no beginning

Anthony Hequet, UNSW/SENU

Busker's* Song

I've been waiting for the sun to shine,
A fog bank in my mind.
I've been hoping something would give—
Somewhere to settle and somewhere to live.

Across this land and into the trees,
A movement is stirring, a breath and a breeze.
Something tells me the mist will rise.
Close your eyes darling, close your eyes.

I thought of a shadow once, as my friend.
I thought our love would never, never end,
And caught the whisps in my fond embrace,
And tried in the gloom to see your face.

I caught in the silence the silk of your hair,
And sifted the cries, the hope and despair,
From crickets' chirpings; and I saw your eyes,
Mirrored in a dawn about to rise.

Come listen again to the Busker's song.
It won't be very far and it won't be too long—
I've got a new tune on my old guitar,
Played on terrace, in restaurant or bar,
--By special permission, on the streetcar

--Or on the place Molard**

Ray Barry, UNIDO retired

* A "busker" is an itinerant street musician. The word "busker" is English (cockney?) slang. This and other "busker" rhymes by the author, Ray Barry refer to the (mainly English and American street musicians in Geneva in the 1980's. They were only white at that time. Or almost.

** pronounced Molarar

Music Notes

Sisters under the skin are music, dance and this.
Painting will come later, when the harmonies
Are stilled in colored patterns; I could wish
For no more expressive loveliness and grace
Than that exuded from a bow drawn with ease
Upon resisting strings across the tireless face
Of captured wood and sound; the frail properties
In aspects of the skies revealed from compressed space
In which a mere tremor is allowed to grow
Like circles in a waterfall, with a point of steel
Soaring like some bird upon the wing, to then reveal
The abyss below, to swell and flow
Into caverns, hallowed by its own light
As if the path of destiny knew where to go
And it not; with courage in this errant flight
To a goal fixed beyond the measure of a stream
Of notes and staves, and structured like a dream.
Courage, and the will to prevail, believing not just what we seem,
But the unity of opposites between day and night.

Ray Barry, UNIDO retired

The world's song

Listen to the world's song:
The splashing of fountains
Years and ages past, in the cradle,
Measured in droplets and streams.

I saw you once, mirrored
In a limpid flow, undulating;
Stars on your breast, flowers in your hair;
The mountains for a chain of thoughts;

Sparkling stones to your eyes wild,
And your voice to me in rivulets
Of amber, telling me of the earth,
The trail from death to birth,
The cycle of desire

To live once more;
At fountain's brink, at world's edge,
To stop and think, and at the ledge
Of consciousness, to pause before
The plunge into the fire.

Ray Barry, UNIDO retired

Troubadour Flight

They still hang in the back of your eye
the back of your eye still held by the Hand of Fatima
They the pixels of stories sung in memories light
stainglass globules of another time when
the ale cupped the hazy laughter like flesh
and the joint of Islamic smoke dispersed it again
Agashi—lady—just another story
One thousand and one nights ago you asked me to play
String upon string upon string upon strum
Golden Iron Maidens
Crying Dragon Ladies
Far-away lands near as the tip of my finger on your tongue
Bids you, Speak,
Through me
Agashi—lady—stop—go
Enough
I pack the words unborn between us, string
upon string upon string, pull out the path waiting
in my pocket and steal away catlike in another
troubadour flight of fancy.

Jimmie Kim, OHCHR intern

Cairo Colours

Cactusfig Boy sitting by his stand looks at the sky,
Lets his eyes loiter in the impossible blue where the promise of rain
evaporates again and again into the invisible smog.
In a corner, the August heat yellows the sweat of mangos and guavas,
Paints the air with pomegranate scents that die under the diesel on the tarmac.
They watch the death, those old men with unopened Kleenex boxes,
Those old women with counterfeit fluorescent sweets,
Sandwiched by turquoise trucks that dominate the trafficjammed roads.
How much for old tissues and lost time? How much for a resurrection?
They watch the death, the houses of the dead and the dead in their houses
Through windows black like gaps between teeth,
Like gaps between history.

Still, mornings we all rise to the opera below our windows
clipclopping by on donkeyback, pulling his own stage behind him—
A platform of rustcolour boards, a pile of junk dead as corpses—
Your old things for a new life, he cries, Insh'Allah! La la la!
Middays we all fall to the greentinged calls from ivory towers,
stop moping handsin pocket,
And avert all evil eyes from veiled fetishes.
Ramadan is near, the veiled ones remind you. Time to clean out the tomb
But in the undefined space between lantern sun and teastained moon
Good and evil, love and hatred, are simply energy.

And they sell their souls in that space, the Cactusfig Boys,
the Candygirls, the opera singers
along with pieces of cultural identities to the rich tourist,
To earn enough credit, though no one keeps count,
To access the heady fatfilled beauties of his human pleasures,
His blue, white, red freedoms, his greenbacked ability
To afford generosity and ignorance at the same time.
And they hope with the purity assumed by Warningsagainstvice,
Until the next prayer call, when you worry once more
what your children will find in your tomb,
Until the next prayer call, when you remember,
In Egypt, the Kings never truly leave any building.

Jimmie Kim, OHCHR intern

To Philippe with Love

Spring at last and once again we gather round the fountain
underneath the apple blossoms, in the garden's sacred grove.
We sing in several languages, birds from far and near,
our voices soar so joyfully, a carnival of discords,
when we recognize a ballad that takes us home again.
Tulips, daffodils and dainty anemones beat the tempo languidly
and even the stone maiden gives a smile of compassion
when we lament loveless virgins abandoned to their fate.

Philippe takes up his accordion to prepare us for the dance,
music floats around us in pungent topaz pods.
We line up in two rows, bow and curtsy with delight,
our bodies need to learn again
steps of simple insolence
to help us to recall our youthful gloss of passion
for ghostly lovers, whose dreams have long departed,
for ships that sailed away never to return.   **Jo Ann Hansen, UNSW/SENU**

Music of gardens

The Music Lover

What is life without my *mélomane*?
Afflict me, deride me, I am blind.
Between the ocean and human divide,
I listen to Purcell and Telemann,
Fantasia in fugue, Tobias Hume's
Harke, Harke, Hope decayed --
I feel uplifted and at peace.
Read me Johnson, Housman and Auden
To banish sorrow from my laden heart.
The poet, music lover in *andante*
Strikes a note in *concordante*.

Mission life is dull without my *mélomane*.
Shake me, wake me from my trance.
Between my temporary *in absentia*
And the timeless cosmic inertia
I hear echoes in my dreams, echoes
of the music from your captivating land.
With harpsichord and *viola da gamba*
You bring me nearer from afar.
O play me Lully, Grieg and Elgar;
Read me Johnson, Housman and Auden
To banish sorrow from my laden heart (...)

Ngozi Ibekwe, OHCHR retired

Canto de Ballena

*Debo colocar ideas a estas palabras
y hacerlo en una melodía puntual
para que cuando las mires desde lejos
acaricien con suavidad de viento tu pensamiento
para que cuando las escuches desde ti
su armonía sea un canto de ballena
para que cuando las dejes
tu alma extrañe
y comience a tejer con pocos de todo
el opaco manto con que te cubres
de una mala poesía.*

Tu voz de donde sea

*Hace frío
yo lo siento
tú lo cuentas
puedes estar plenamente en muchas partes
buscar en su biblioteca libremente otros tiempos
y sentarte a leer las posibilidades infinitas
que pensó para ti y anotó del libro de las dimensiones divinas.*

*No se permite volver por el mismo camino
a pocos les interesa regresar
el después está más prohibido que las manzanas
de su cercanía sólo sabemos la sombra
el misterio es incondicional
su ternura es lo probable
nadie lo mira
pero no hace falta
igual que a ti
igual que a todo
igual que a nada
Te deja.*

Sábado piano

*Muchas veces pasa
atrapado me dejas contigo
pensamiento que obliga a las ideas
paralizando el destino se comienza a sentir
encuentra cada diminuto detalle
dentro de un siempre inamovible e inevitable
que gira en una rueda más grande
libre de los atributos del cambio
hasta que noto las notas
quebrantando lo posible
lubricando la lentitud
porque el que piensa descansa
el que escribe inventa
y el que escucha está libre.*

He visto como estas casas se han llenado de fantasmas

*A la calle solo muestran su rostro de abandono
y cuentan que al olvido le gusta guardar recuerdos
son lugares donde el tiempo es niño
y juega con el polvo suave
porque afuera va muriendo todo
en el agujero negro del porvenir*

*a la calle solo muestran su rostro de abandono
y detrás de las puertas los espíritus
escriben la historia donde el Salvador
leerá que no es necesario que se quede
porque la vida dejó de ser esta memoria
y cubrió su palacio interminable con pintura vieja
lugares abandonados
y sombras que cantan como sirenas
la canción que Ulises no quiso escuchar.*

Un ancla en el fondo del mar

Sabes

*estuvimos tan cerca del secreto
porque llegó la muerte a ser una sombra
pero nos dejó
aunque ella marcha sin tiempo
ahora somos algo que antes imaginábamos
en él hay sentimientos que ya no están llorando
quedó una huella en su silencio
pero ya no calla
todo es sin miedo
y salimos a la vida en hojas pequeñas
distintas a lo que es el recuerdo
y así terminaremos de limpiar escombros
seremos el barco que alguna vez quiso la muerte
pero había un ancla
enamorada del fondo del mar
anotando en un pentagrama la música que escuchas ahora.*

Luis Alfredo Aguilar Contreras, UNOG/SENU

Piano forte

Being is rhythm. Jeder hat seinen ureigenen Rhythmus,
wie man aufsteht, geht, sich anzieht,
wie man sich die Zähne putzt, sich bettet, sich dreht und wendet in der Nacht,
wie man sich unterhält und sich anderen gibt. Manch Mensch wickelt
rhythmisch durch den Tag.

Manch Mensch übt sich beim Gehen und Reden im staccato.

Manch Persönchen

spielt seinen Tag legato, solche Menschen fließen unauffällig an Dir vorbei.

Es sind die, die mit ihrer Umwelt im Einklang leben,
man sagt: sie lebten glücklicher legato.

Legato zu leben und zu koexistieren bedeutet jedoch, dass diese gebundenen
Klaviernoten manches Mal umgeben werden von sich in staccato und in non
legato-

artikulierenden Personen.

Auch die das Fließende ersuchende Klaviernote
muss dann erst mal *ex tempore* ihren Weg ins Gebundene finden.

Non legato zu leben kann auch einen wunderbaren Sinn und Klang ergeben.

Es sind die, die man aus der Menge heraushört und auffallen.

Vielleicht sind es auch die, die das Alleinsein einer Bindung temporär

vorziehen.

Autarke Personen, sie sind eine einzelne Klaviernote, winzigklein, und doch so beachtlich,

abrupt treten sie in Erscheinung mit einem *Ave Maria* und machen sie sich von dannen

ins nebulöse Kommende.

Doch auch hier gibt

es manch Menschelchen, der die Bindung an seine vorangegangene Klaviernote nicht vergisst, er lässt das legato in sich hineinstroemen, weiß jedoch von seiner Beschaffenheit des Nichtgebundenenseins.

Es ist sein Wille oder er ist zerrissen.

With music you can heal and harmonize all political disharmonies.

Especially singing children warm every person.

Singing chorusses should be used as a political

instrument to harmonize political interactions,

to prevent war and to bring good feelings.

Chorusses should sing while the politicians

debate - und Musik sollte ertönen über der ganzen

Stadt.

Christian Schulz, UNSW/SENU, former OHCHR intern

Altes Neues Jahr

Man baut eine Kirche
am Ponikva
fünf Männer bauten einen Sommer lang
der steinerne Rumpf steht nun.

Schwarz gekleidet steht der Pope
vor der steinernen Kirche im Schnee
und stützt sich auf seinen silbernen Hirtenstab.

Sveti Vasili dem Großen wird die Kirche heute geweiht
am Holzkreuz vor der Kirche brennen schon die Kerzen
einen goldgelben langen Bart trägt Sveti Vasili auf dem Bild
und einen blauen mit Sternen besetzten Mantel.
Rein wie Schnee ist sein Gesicht

„Sa Mnogo Godini“, Noch viele Jahre,
so grüßt man das alte neue Jahr.

Wir tanzen im weiten Kreis den Oro um das offene Feuer
Gaida, Tamburin und Kavala begleiten unsren Tanz
Die Alten werfen ihre Gehstöcke weg
und singen das Lied von der schönen Stoine

Wir singen und tanzen und essen heiße Bohnensuppe
und tanzen bis der Tag alt wird
und die Kälte unsere Gemeinschaft auflöst.

Johann BUDER, Austrian Mission

Wang'i - Your countenance (a love poem in Luo – when I look at you, I see clearly)

K'aneno Wang'i, wang'i ler na
K'aneno Wang'i, wang'i ler na
K'aneno Wang'i, wang'i ler na
K'aneno Wang'i, wang'i ler na

A, ah, In Ruodha, wang'i ler
Ah, In Ruodha, aweri

K'aneno Wang'i, wang'i ler na
K'aneno Wang'i, wang'i ler na
K'aneno Wang'i, wang'i ler na
K'aneno Wang'i, wang'i ler na

A, ah, In Ruodha, wang'i ler
Ah, In Ruodha, aweri

To gik m'itimo
To gik m'itimo baba ah
To gik m'itimo
To gik m'itimo baba ah

To gik m'itimo
Miujiza maneno baba ah

Ruoth, itimo hono
Ruoth, itimo hono
Ruoth, itimo hono
Ruoth, itimo hono
Ruoth, itimo hono
Ruoth, itimo hono
In Ruodha ah
Erokamano wuok e chunya
Ruoth itimo hono
In Ruodha, wang'i ler

Upendo wako (a love poem in Swahili)

Niliamka asubuhi moja a a
Nipate upendo wako umenizingira
Siwezi Ogopa mimi siwezi ee

Baba ameniinua
Baba amenipenda sana
Baba ameniinua
Baba amenipenda sana

Niliamka asubuhi moja a a
Nipate Uzuri wako umenizingira

Siwezi potea mimi siwezi ee

Baba amenibadilisha
Baba amenipenda sana
Baba amenibadilisha
Baba amenipenda sana

Niliamka asubuhi moja a a
Nipate upendo wako umenizingira
Siwezi Ogopa mimi siwezi ee

Baba amenikumbuka
Baba ananjali sana
Baba amenikumbuka
Baba ananjali sana

Niliamka asubuhi moja a a
Nipate mkono wako umenishindia
Siwezi kushindwa mimi siwezi ee

Baba amenikumbuka
Baba ananjali sana
Baba amenikumbuka
Baba ananjali sana

(*Upendo Wako* (Swahili): I woke up one morning, to find out that your love had surrounded me. You have filled my soul, you have protected me, you have comforted my heart.)

Singing and dancing with Connie Ouko from WHO, during the Ex Tempore evening of 23 January 2010

Connie put her own poems to music and cut a fine CD *Better than Life*, which also contains 12 of her other songs

TRANSLATIONS

TRADUCTIONS

TRADUCCIONES

**Rainer Maria Rilke *Larenopfer* (1895)
VOLKSWEISE**

Mich rührt so sehr
böhmischen Volkes Weise,
schleicht sie ins Herz sich leise,
macht sie es schwer.

Wenn ein Kind sacht
singt beim Kartoffeljäten,
klingt dir sein Lied im späten
Traum noch der Nacht.

Magst du auch sein
weit über Land gefahren,
fällt es dir doch nach Jahren
stets wieder ein.

Folk Melodies

Bohemian folk tunes move me
deeply as into the heart they steal
and make it heavy, then I feel
a wistful yearning over me.

When in potato fields a child
while weeding gently sings,
that melody in late dreams rings
within you true and mild.

And even if you travel far
to distant lands, the tune so dear
comes back to you year after year,
recalling who you are.

Airs de Bohème

Elles me touchent à l'extrême
les chansons du peuple bohème,
qui se glissent dans le coeur,
le grevant de langueur.

Quand un enfant chante
doucement en sarclant dans les champs,
écoute dans tes rêves ce même chant
tard dans la nuit résonnant.

Et même si tu pars en voyage
en des terres éloignées,
te suivront cet air cette image
au fil des années.

© Alfred de Zayas, OHCHR retired

Ôi Federico Garcia Lorca

Con đường nào khóc thầm
Suối lệ khôn nhòa dấu bước
Các em đưa tôi đi
Một lối nhỏ không thẳng tắp
Trắc bá trước đào vươn cao ngút đầu
Màu đất đỏ sẫm
Dốc trút xuống chân đồi ô liu
Bóng hoàng hôn thoi thóp
Từ Địa Trung Hải kéo về lớp lớp
Mây đen hắt hủi
Trên nóc thung lũng Granada
Quê hương một thi sĩ
Ôi Federico Garcia Lorca
Tôi tới thăm mà không gặp Anh
Chắc chắn là Anh đã chết
Bi thảm và bất công.

Hai mươi năm lửa buồn còn thiêu đốt
Tìm những người yêu Anh qua thơ Anh
Thuở ấy tôi đang khát sữa Mẹ
Chưa biết chưa đo lường được
Nặng nề sao là những gánh nhục nhằn
Trên lưng trên vai những người yêu dấu
Thân phận yếu đuối đi tìm tương lai.
Vội hiện tại ràng buộc vào quá khứ
Bằng trăm ngàn sợi dây vô hình
Nào những nỗi tiếc khôn nguôi
Nào những nhớ thương chồng chất
Nào những đớn đau muốn xé trời
Bởi tôi đã hàm ơn chưa trả được
Tấm lòng nhân ái di sản của Song Thân
Chẳng may Mẹ tôi chột nằm xuống cô đơn
Ngủ kiếp người nín câm uất ức.

Con đường nào khóc thầm
Suối lệ khôn nhòa dấu bước
Các em đưa tôi đi
Nào đâu những vòng tay âu yếm
Giữ tôi quay cuồng trong điệu múa Andalousia
Giữa tiếng đàn lục huyền tiếng nhịp sanh phách
Hay chỉ còn mấy thoáng nhìn cỏ hoa
Giữ tôi giữa những tròng mắt sao quyến luyến chẳng rời.
Giọng ai ngâm buồn chũu sâu
Bài thơ tình được viết dưới thời nội chiến
Và điệp khúc từ biệt ngâm ngùi
Giữ tôi suốt đời đứng bên các em
Trong tình bạn bởi đâu mà khăng khít.

Các em biết hơn một lần
Vì sao tôi nức nở
Có thể tôi chỉ khóc thầm
Giọng suối chảy qua tâm hồn tinh khiết
Đủ cho một người nghe
Ôi Federico Garcia Lorca
Chắc chắn là Anh đã chết
Bi thảm và bất công.

Ô Federico Garcia Lorca !

Par quel chemin en pleurs silencieux
La source de larmes secrète n'aurait effacé nos empreintes de pieds
Petits enfants, vous m'avez introduit, dans un sentier tortueux...
Des cyprès, des lauriers roses, s'étirent au-dessus de nos têtes
Sous nos pas s'effrite la terre ocre, rouge-brun
Une pente douce court
Jusqu'au bas de la colline des oliviers
Et, à son déclin, le crépuscule agonise.
De la Méditerranée accourent de gros nuages lugubres
D'un noir ingrat
Et s'accumulent
Dans la voûte de la vallée de Granada
Patrie d'un poète.
Ô Federico Garcia Lorca
Je viens vous voir sans vous rencontrer
Je suis sûr que vous êtes mort
D'une mort atroce et injuste!

Il y a vingt ans

Et le feu de tristesse ne cesse de ronger
Les cœurs de ceux qui vous admirent
A travers vos chefs-d'œuvre.
En ces temps, encore assoiffé de lait maternel
Je ne savais mesurer
Combien accablante, la lourde charge des outrages
Ayant pesé aux dos, aux épaules de mes êtres chers
La condition de l'homme sans défense, en quête de l'avenir.
Dans ce présent lié au passé
Par cent, mille liens invisibles
Que de regrets non apaisés!
Que de souvenirs amoncelés!
Que de maux déchirants!
Alors que je n'ai pas encore rendu grâces
Et accompli mon devoir filial
Envers deux cœurs bienveillants
Vestiges de mes chers parents
Ma mère, souffrante, est couchée dans la solitude
Réprimée dans son sommeil éternel
Le sort des sans-voix opprimés!

Par quel chemin en pleurs silencieux

La source de larmes secrète n'aurait effacé nos empreintes de pieds
Petits enfants, vous m'avez conduit, parmi ces allées sinueuses...
Où sont les mains jointes à la ronde
Qui m'ont entraîné dans les rythmes de l'Andalousia
Accompagnés par les grattements de guitares
Les battements de castagnettes
Et de tambourins?
Ou ne reste-t-il que ces regards furtifs
Entrevus dans les prés fleuris
Ayant scellé mon image à leurs prunelles candides, fascinantes?
À qui, cette voix harmonieuse d'une profonde mélancolie
Qui scande une romance lyrique, du temps de la Guerre Civile?
Et ce refrain d'adieu aussi plaintif
Pour quelle raison
Me retient-il, toute ma vie, à vos côtés
Avec notre attachement d'amitié indéfectible?

*Chers enfants, vous savez plus d'une fois
Pourquoi j'ai pleuré à chaudes larmes?
Peut-être que j'ai bien pleuré en silence
Et les pleurs secrets de la source vive
Ecoulée à travers l'âme pure
Suffisent à quelqu'un de m'entendre.
Ô Federico Garcia Lorca
Je suis sûr que vous êtes mort
D'une mort tragique
Et injuste!*

Nguyễn Hoàng Bảo Việt, UNSW/SENU
Traduit du Vietnamien par Mme Hoàng Nguyễn

We invite you to subscribe to Ex Tempore and support the United Nations Society of Writers. The membership fee is Sfr 40 per year. Please fill in the form below and send it to: Alfred de Zayas, zayas@bluewin.ch or David Winch, dwinch@unog.ch,

Please send your membership fee or generous donations directly to EX TEMPORE's account with UBS, branch office at the Palais des Nations, account No. CA-279-100-855.

Membership is open to active and retired staff and their spouses, fellows and interns of the United Nations, specialized agencies, CERN, Permanent Missions and Observer Missions, Inter-Governmental Organizations, NGO's and the Press Corps.

Membership Form:

.....
Organisation/Room No/Ext.
.....
.....
.....
.....
.....
.....

For the Journal's 2011 issue the Editorial Board invites literary efforts of general interest, short stories, science fiction, humour, poems or aphorisms in any of the UN official languages (or in other languages accompanied by a translation into a UN language). Please send these to the Editorial Board electronically in format Times New Roman, 14 p to: zayas@bluewin.ch, dwinch@unog.ch, or to cedelenbos@ohchr.org .

Visit also our new website: www.extempore.ch

**See [http://en.wikipedia.org/wiki/United Nations Society of Writers](http://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Society_of_Writers)
and [http://en.wikipedia.org/wiki/Ex Tempore \(journal\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Ex_Tempore_(journal))**

CODA: Art is communication -- seeing new perspectives, hearing sounds differently, unveiling worlds beneath the world, discovering the latent truths. Whether art reflects or reinterprets nature, whether it invents or reproduces, it always cross-fertilizes. Music is perhaps the most metaphysical of all art forms, fundamentally human and yet very much transcendental, yes, divine: While it often relates to the momentary *Zeitgeist*, it also helps create a new *Zeitgeist*, inspires sculpture, architecture, painting. The Sydney Opera House (UNESCO World Heritage Site since 2007), built by the Danish architect Jørn Utzon represents the symbiosis of many realities, a harmonious *Gesamtkunstwerk* that daily celebrates the cross-fertilization of the arts.

